



Ольга Васильевна Ярмакова

СНЫ за полночь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23887567

Аннотация

Что произойдёт с будущим, если из настоящего в буквальном смысле высосут Цвет и Слово? Что случится, если по легкомыслию изменить своему имени и перейти дорогу ведьме? Какова будет плата за беспечный поход в музей и необдуманные желания? Почему не стоит долго любоваться своим отражением в зеркале и задерживаться надолго в большом городе? Вопросы, нащёптанные снами. Истории, услышанные за полночь.

ЧТО СКАЗАЛ ПАУК

Огромный безумный мир, вертящийся и танцующий самую сумасшедшую пляску, поющий самую возмутительную песню жизни, в один миг может запутаться и рухнуть в силках самого маленького паука.

И что говорит паук мухе, угодившей в его сети, и что отвечает муха пауку, остаётся самой величайшей тайной из тайн.

О, моя дорогая! Ты не представляешь себе, как я устал! Да, устал от её ворчания и ругани, от её вечного недовольства из-за моих промашек. Я, знаешь ли, в услужении у самой госпожи Вельды! А это тебе не какая-нибудь заштатная деревенская колдунья. Моя госпожа стоит по правую руку самой Ганды – верховной ведьмы всех западных земель. Понимаешь, какая ответственность и какое давление на мне каждый день и каждую ночь?

Моя госпожа – уважаемая и влиятельная ведьма. Она высока и стройна, её кожа бела и гладка, а волосы черны и густы, и настолько длинны, что Вельде их необходимо повязывать трижды вокруг тонкой, как у осы, талии. И всё равно кончики волос касаются земли. Моей хозяйке завидуют все молодые и старые женщины города Киля. И я их понимаю, тягаться с весенней молодостью и знойной красотой госпожи Вельды бессмысленно.

Но как же завистливы порой сердца этих молодых, о моя дорогая! Как же жестоки эти женщины в своей алчности и стремлении быть лучшей! Не раз они настраивали целый город, подговаривая недалеких и несмышлёных людей в том, что моя хозяйка знает с чёртом и застывшая во времени её краса – это чары и колдовство. Как же! Поверить в то, что видишь своими глазами трудно, а вот сказкам и небылицам, пожалуйста, сколь угодно.

На моей памяти было несколько поджогов дома госпожи, и камнями кидались в окна, и даже дверь мазали дегтем, оставляя нелепое пятно в виде пресловутой ведьминой метки. Только это бессмысленно, как я уже говорил. Эти смельчаки уже в большинстве своём лежат преспокойненько в могилках, окутанные саванами, словно паутиной и гниют себе потихонечку. А те, кто не умер от чар, в наказание наложенных Вельдой, сошли с ума, что, на мой взгляд, хуже не куда. Ну, не стоит переходить дорогу ведьме, тем более угрожать и жечь её дом. Это наивысшее безрассудство и глупость.

Нет, моя дорогая, ты не так поняла, госпожа Вельда не злая колдунья и не жестокая, как все о ней говорят. Она творит с людьми злые чары, когда они сами напрашиваются на это. И то она долго раздумывает над наказанием для провинившихся.

Величайшее заблуждение среди людей – это считать, что ведьмы есть либо добрые, либо злые. Ведьма – это магия. А у магии нет светлых и тёмных сторон, она разнолика и радуж-

на. Чародейка не имеет права творить только добрые дела, пренебрегая своими тёмными способностями, так же, как и наоборот, приносить несчастья проклятиями и заклинаниями, позабыв о светлой своей стороне. Всё должно быть в меру. И моя госпожа – образец баланса и гармонии своей внутренней силы. Если она наложит смертельное заклинание на какого-нибудь дурачка, то обязательно поможет юной роженице благополучно разрешиться от бремени и явить на свет здорового, крепкого младенца.

Это незыблемый закон. Каждая ведьма знает, если нарушить его, то за это её ждет чудовищная расплата. Вельда никогда не склоняла чашу весов в ту или иную сторону сил, но лично видела и знает, как поплатились её приятельницы и соперницы-ведьмы за несоблюдение баланса. Это, знаешь ли, моя дорогая, своего рода урок. У ведьмы пропадает её сила. И для каждой колдуньи нет страшнее наказания, чем остаться без своей силы. Они быстро увядают, как маки, в несколько дней. И от них ничего не остаётся, даже прах, который рассеивается и уносится сильным ветром прочь.

Ты же не в курсе, моя дорогая, все сильные ветра от них, от ведьм. Если тебя хватает и пытается унести подальше от дома лютый северный ветер, знай, это умерла ещё одна ведьма, увлекшаяся одной из сторон своей силы. Если бы ты увидела в такое мгновение в окне или на улице печальное лицо молодой и красивой женщины с глазами наполненными слезами, то знай, это непременно колдунья! Только ведьмы

узнают этот злосчастный ветер и понимают с его мимолетным приходом, что в мире стало на одну их сестру меньше.

О, моя дорогая, не верь рассказням о внешнем уродстве ведьм. Это завистники на них клеветуют и представляют облик колдуний, как страшных безобразных старух, одиноко живущих в дряхлых домишках в лесах или на болотах, летающих на мётлах и охотящихся на невинных детей. Это сущий вздор! Ни одна из чаровниц не подпадает под столь жалкое описание. Да и как может магия быть старой и потрёпанной? Как волшебство может изуродовать свою носительницу? Конечно, это всё вздор, кроме мётел, пожалуй. Да, что-то есть в этих инструментах, обретающих в руках чародеек неслыханную прыть и скорость самого ветра.

Признаюсь, однажды и я собственной персоной совершил полёт на кончике метлы Вельды. Что это был за полёт! Той ночью госпожа крайне нуждалась в моих, безусловно, важных услугах, она позволила мне составить ей компанию и пересечь Подлунный Лес.

Подлунный Лес ночью просто необъятен! Ах да, моя дорогая, ты ночью спишь. Но я тебе расскажу о его тайнах, его соблазнах и страхах. Днём Подлунный Лес ничем не выделяется, это всего лишь маленькая рощица среди полей, равнин и плоскогорий западных земель. Ты сама прекрасно знаешь, что пролететь его можно за пару часов, а то и меньше. Но ночью всё по-другому, иначе.

И раньше поговаривали, что Подлунный Лес окутан маги-

ей ночи, но мне самому это стоило увидеть единожды, чтобы поверить. Да, моя дорогая, это правда, этот лес и впрямь заколдован. Но сколь сложна и великолепна рука мастера, сплетшего замысловатый узор паутины заклятий! Эти невидимые тенета были сброшены сверху и опутали каждое дерево, каждый куст и каждую травинку. Ночью лес становится непроходим для человека и неодолим для его топора. Стволы деревьев обретают каменную мощь, кусты змеиную гибкость, а травы навевают дурманый сон случайно забредшему страннику. Лес защищает себя сам! А сверху, там, где заснули дневные облака, макушки деревьев похожи на беспокойные волны бескрайней реки, и нет им начала и конца.

Уж не знаю, кто дал лесу чудное название, но Луна явно благоволит ему, изливая щедро белый свет, от которого лес и питает свою мощь и жизнь. Моя хозяйка посещает лесное нутро каждое полнолуние и каждое новолуние, что обязательно для всех ведьм без исключения. Лишь колдуньям позволено беспрепятственно гулять во владениях Подлунного леса, потому что ведьмы ближе к истокам природы, чем простые люди.

Обычно госпожа и её помощницы в числе, равном девятнадцати, проникают в центр леса, где таится магический круг, сложенный из гладких речных камней белого цвета. Внутри этого круга разводится огонь, а затем двадцать безупречно красивых женщин поют заклинания и водят хором вокруг волшебного зелёного пламени. Лишь когда все

слова произносятся, ведьмы сбрасывают с себя одежды и, смеясь, словно малые дети, разбегаются в разные концы леса, унося благодать волшебного огня и укрепляя тем самым магию Луны.

До чего же прекрасны госпожа Вельда и её пособницы! О, моя дорогая, кожа этих вечно молодых прелестниц в лунном свете становится почти прозрачной и светящейся, как паутина лесных ткачей. Чародейки расплетают волосы и те струятся вслед своим хозяйкам золочёными, огненными или чернеющими ручейками. И в такие моменты я понимаю Вельду и её подруг, понимаю их отречение от одежд, ведь длинные густые волосы лучше любых платьев скрывают наготу тел и уберегают от ночной прохлады. Хотя этим созданиям некогда опасаться в лесу ночью и, тем более, не перед кем стыдиться своей наготы. Они лишь рады той свободе и лёгкости, что дарит им лес. Они благодарны ему. Ведь, в первую очередь, ведьмы познают свою силу через осознание самих себя, то есть своего тела. Это и впрямь сложновато для тебя, моя дорогая, но колдуньи ночью в лесу более напоминают детей шалых и невинных, чем взрослых и разумных женщин днём.

Между прочим, это затёртое клише – приписывать в услужение ведьме чёрного кота. Будто другой живности не хватает! У каждой уважающей себя чаровницы на службе содержатся сразу несколько живых существ, относящихся к разным стихиям. У моей госпожи Вельды на посылах и в качестве личного почтальона обитает большой грач солидного

возраста, который способен удивить своей особой при встрече любого горожанина Киля. Имени у этой птицы, как такового не имеется, но Вельда зовёт его «Ваше Крылатое Знательшество». Право меня порой удивляет, с каким преклонением госпожа беседует временами с этой, на мой взгляд, напыщенной птицей, хотя в уме грачу не откажешь.

Да, моя, дорогая, кот тоже живёт у госпожи, но не чёрный, а рыжий. Его зовут Ганс и это самый ленивый кот на свете! Он не ловит мышей, не составляет компанию хозяйке, когда та творит волшебство на кухне, и почти всё время лежит у печи в корзине с пряжей. Вельда обожает укладывать этот рыжий клубок шерсти на колени и запускать поглубже пальцы в мягкий, пушистый и лоснящийся от сытной жизни, кошачий мех. Пожалуй, ей нравится мурлыканье Ганса, а может, она получает от него заряд энергии, мне доподлинно неизвестно, но в такие минуты оба явно балдеют от общества друг друга.

Помимо ленивого рыжего кота и важничающего грача, чей жизненный срок приближается к старости, в доме обитает парочка змей, три ящерики и громадина-пёс, сторожащий дворик у дома. К слову, дом Вельды стоит на окраине Киля в восточной его стороне. Его расположение было выбрано строго в соответствии с расчётами и нанесением магических символов, видимых только ведьмам.

Так вот, псина по кличке Греттель, названная так, словно в насмешку над сказочной героиней, покрыта густейшей

жѣсткой шерстью, аж глаз не видать. Она так велика, что стоя на всех лапах, преспокойно достаѣт головой до талии хозяйки. А уж ежели Греттель вздумается на радостях привстать на задние лапы и постараться обнять Вельду, как делают люди, то будь уверена, моя дорогая, голова собачины будет возвышаться над господской головой. Нрав у собаки прост и суров, но еѣ беззаветная преданность ценится в доме моей госпожи потому, как эта собачина одинаково благосклонна ко всем тварям, живущим под одной с ней крышей, так же, как в каждом чужаке она видит непримиримую угрозу дому и своей хозяйке. Лишь к детям малым испытывает Греттель странную слабость – никогда не обидит, а, напротив, облизнет с головы до пят.

Это что, у Ганды, что верховная ведьма западных земель, говорят, в услужении ходят белый волк, заместо собаки сторожевой, да хорѣк, вместо кота. Почту разносит у верховной летучая мышь, а новости из мира вод приносят большие уродливые жабы. Хотя своего рода эксцентричности эта ведьма не лишена. Стены дома еѣ покрыты жѣлтыми и белыми бабочками, которые порхают себе, где им вздумается. И никто их не трогает, а питаются они сладким нектаром, которым снабжает в обилии любимец их хозяйка.

У меня тоже есть свой уголок в доме Вельды. А как же без этого? Я, практически, левая рука госпожи. Она так и говорит: что, мол, я без него делала бы? Дом, в котором живѣт моя хозяйка, построен из красного кирпича на каменном

фундаменте. Дом огромен по меркам людей и животных, и всё-таки, ему далеко до лавров особняка или замка. В нём два этажа и просторный, я бы даже сказал, барский чердак. В то время как нижний этаж поделён меж кухней, столовой и прихожей, второй полностью принадлежит спальне хозяйки, где гармонично совместились её кабинет с книгами, непосредственно спальня и ванная, отгороженная полупрозрачной ширмой.

Вельда обожает солнечный и лунный свет, поэтому громоздкая чугунная ванна стоит напротив большого окна, выходящего стороной своей на лес. Я не раз наблюдал, как госпожа блаженствует и напевает песни, лёжа в ванне, погрузившись в смесь воды и душистых трав. Солнечные лучи согревают её, а песни, что она поёт, весёлые и чем-то похожи на мурлыканье Ганса. От лунных бликов же глаза Вельды становятся грустны и задумчивы, как и напевы, что издаёт она, поддавшись внутренним порывам.

Если тебе, моя дорогая, говорили, что ведьмы питаются людскими душами и слезами, а пьют исключительно зелья, то знай, это всё вранье! Колдуньи, все без исключения, гурманы и прекрасные поварахи. Хоть госпожа Вельда стройна и изящна, что объясняется в основном магией внутри неё сокрытой, но вкусно и с аппетитом любит покушать. Овощи она ест в любом виде: свежими, отваренными, жаренными или запечёнными, в салатах, в рагу, с мясом или птицей и даже прямо с грядки. Мясные и рыбные блюда готовятся ею

с изыском, не торопясь и употребляются с бокалом красного вина, которое ей поставляет хозяин самого дорогого в Киле ресторана. Кажется, Вельда наложила чары на его заведение, и теперь ни одна мышь и ни одна крыса, равно, как и надоедливые тараканы не заходят в него. В благодарность раз в месяц к нашему дому доставляется вместительная корзина, наполненная бутылками дорогого вина вперемешку с головкой сыра, связкой колбасы и букетом жёлтых роз.

Розы – любимые цветы Вельды, но непременно жёлтые. Они напоминают ей солнечных зайчиков. Госпожа не ставит розы в один сосуд, каждый цветок погружается в отдельную вазу из цветного стекла и обретает на краткий промежуток времени пристанище в строго отведённом месте второго этажа. На кухне место есть лишь полевым цветам, такова иерархия сил, что дают моей хозяйке цветы.

А пьют ведьмы, исключительно кофе. Именно этот восточный напиток, считается в чародейской среде истинно колдовским зельем. У Вельды есть старая, доставшаяся от матери, а той от её матери, ручная мельница с выдвижным коробом. Это особый ритуал, когда моя хозяйка мелет кофе. Делает это она несколько раз на дню. Но первый, самый ранний и утренний особенный из них. Госпожа набирает ладонью горсть кофейных зёрен и отправляет их в жерло мельницы. Затем неторопливыми и размеренными движениями Вельда вращает ручку миниатюрного жернова и разговаривает с дробящимися зёрнышками. Она просит их, отдать ей

своё тепло, полученное от солнца и огня. Она благодарит их за силу, что вольётся в её тело. Она предвкушает. Затем размельчённый в порошок кофе пересыпается из короба мельницы в медную турку, также перекочевавшую через несколько десятков рук женского поколения Вельды. Для приготовления напитка госпожа использует исключительно колодезную воду, благо в нашем дворике имеется достаточно глубокий колодец со сладкой чистой водой.

Потом густое тёмно-коричневое питье перекочевывает в миниатюрную белоснежную чашку из хрупкого фарфора. Вельда выпивает это зелье маленькими глотками обязательно у окна или на крыльце дома, если позволяет погода. Она говорит нам всем, что это защитная магия и так делали её мать, бабка и предыдущие женщины рода. Остальные чашки она выпивает, сидя наверху среди книг или внизу за столом, глядя на пляшущие огоньки в печи.

Но по вечерам в определённый час госпожа усаживается в любимое кресло, предварительно, раскурив трубку. К слову, все ведьмы искушены и падки на курение. Кто-то из них обожает длинные сигареты в элегантных мундштуках, кто-то толстые и крепкие сигары, а некоторые, как моя хозяйка, с ума сходят по табаку, набитому в увесистые трубки. У Вельды трубка из слоновьего бивня, старинная, досталась ей от бабки её отца. Та старушка пыхла, как паровоз до последнего дня жизни. А табак госпожа закупает на рынке у одного и того же торговца, он её еще ни разу не подвёл. Хотя по-

пробуй её подвести. Сам знаю на себе, как она может разозлиться.

Тебе не интересно, моя дорогая? Я тебя совсем заговорил и отвлёкся от дела. Ты что-то хочешь мне сказать, погоди, освобожу твой хоботок.

– Прошу, отпустите меня!

Ну вот, опять те же песни. Ничего не меняется. Вам мухам говоришь, говоришь, а вы не слушаете, вам лишь бы удрать, да подальше.

– Умоляю! Я жить хочу!

И эту песню я слышал не раз. Ну, отпущу я тебя и что дальше? Ты снова угодишь в паутину. Не в мою, так моего соседа. Вы же мухи – все дуры. Я тебе сейчас историю своего дома поведал, где в каждом уголке сплетены мои силки, где я хозяин всех углов и тёмных мест.

– Отпустите! Прошу! Я не забуду, обещаю!

Всё ты забудешь, моя дорогая муха. А здесь на чердаке, чем тебе плохо? Сколько здесь места! А эхо какое! Твоё назойливое жужжание слышно под самой крышей.

– Умоляю вас! Отпустите меня!

А знаешь, моя дорогая, я, наверное, даже буду скучать по тебе. Хотя, кому я вру? Кто станет скучать по обеду или ужину? Но сегодня особенный день, моя дорогая, ты достанешься не мне, а моей госпоже Вельде. Она вечером заберётся сюда и снимет «урожай» из тебя и твоих подруг, таких же дурёх, зачем-то залетевших сюда через маленькое круглое

оконце.

Вчера был неудачный день, и хозяйка бранила меня, но сегодня она будет довольна. Она станет варить в полночь колдовское зелье, а обязательное составляющее его – дюжина свежих мух. Я не буду вас убивать и есть. Вы отправитесь живыми в котёл.

– Умоляю, я жить хочу!

Увы, моя дорогая. Я паук в услужении колдуньи. Если я перестану ловить мух, то отправлюсь в котел вместо вас. Я тоже хочу жить.

Хотя кого я обманываю? Мне это безумно нравится – ловить мух для ведьмы.

КОНФЕТЫ С СЮРПРИЗОМ

Дом лежал за холмами городской свалки, его и пропустить-то было легко за этими вершинами старых автомобильных покрышек, раскуроченных и объединенных ржавчиной автомобильных кузовов. Автомобильная свалка – последнее пристанище человеческих детей, погост гениальных мыслей и творений инженерных умов, печальное и скорбное местечко, куда приходят лишь для того, чтобы предать ненужное забвению без захоронения и упокоения. Это даже хуже привычного кладбища.

И, тем не менее, небольшой кирпичный домик с посеревшими стенами и покосившейся бурой черепицей крыши

жил и дышал воздухом, пропитанном ядовитой смесью разлагавшейся резины, вонючей солярки, отравившими здешнюю землю, да запахами прошлого каждой из покоившихся железяк. Дом дышал, после каждого вдоха следовал клуб чёрного едкого дыма, шариком выталкиваемого из шербоатой трубы. Ни калитки, ни садика – ничто не окружало эту лачужку, хозяйке достаточно было антуража свалки, по которой окромя бездомных животных и нищих, никто не сновал без особо крайней необходимости. Место было неподходящим для прогулок, да и небезопасным.

Однако ж среди этих ржавых гор бодро вышагивала высокая и статная женщина преклонных лет. Дама резко контрастировала на фоне грубых обломков своим нежнейшим, цвета сирени, платьем, уходящим до земли и распространившимся вслед за ней шлейф-хвостик. Посеребрённую голову венчала изящная белая шляпка с широкими полями, украшенная шёлковыми цветами и кружевом. Опиралась таинственная незнакомка на длинный зонт-трость, пестрящий смачным малиновым соком. Женщина шла одна, уверено и хорошо зная дорогу.

Дом вырос перед дамой, недружелюбно пялясь на незваную гостью пустыми глазницами мёртвых окон, дым продолжал извергаться из трубы чернотой, которая моментально растворялась в воздухе. Не раздумывая, женщина постучала в деревянную дверь крючком рукояти зонтика, каждый стук отчеканился на поверхности тёмной вмятиной.

– Открывай! Я знаю, что ты дома! Нечего прикидываться глухой! Я никуда не уйду, слышишь? – Гостья нанесла ещё пару крепких ударов, дом еле видно сотрясся.

Из домашней тишины зашамкали торопливые шажки, слышалась суетливая возня с замком и дверь нехотя отворилась, выставляя на свет божий старушку в замусоленном фартуке, поверх выдавшего виды фланелевого платья в крупный цветок. На вид хозяйке домика было не больше семидесяти, короткие белые волосы кудрявились от химии, а маленькие точки-глазки под отёчными веками на круглом лице, недоуменно взирали на пришлицу.

– Что происходит? Почему вы дубасите в мою дверь? Кто вы так..., – начала было возмущаться старушка тихим и жалобно-слезливым голоском, но гневный взгляд дамы просверлил насквозь и заставил отступить вглубь дома хозяйку, не дав и продолжить.

– Сейчас ты всё поймёшь, хитрая лиса, сейчас ты всё вспомнишь у меня и поймёшь. – Голос женщины в сиреновом платье угрожающе нарастал; она переступила порог, не сводя глаз со старухи и морща нос – дом изнутри пропах пылью, плесенью и гнилью. – И хватит меня дурачить своим безобидным видом, снимай с себя ложную личину и верни себе прежний лик!

Гостья направила зонт на старушку и резким нажимом раскрыла его, обдавая сжавшуюся хозяйку кислотным малиновым сиянием. Когда зонт вновь вернулся в сложенное

состояние и мирно встал подле своей спутницы, со старушкой произошли ужасающие метаморфозы. Её кожа посерела в тон жилищу, лицо обмякло и провисло, высохнув и скукожившись в глубоких морщинах, спина изогнулась в громадном горбе, сушёные руки увенчались длинными крючковатыми грязными когтями, а глаза стали птичьими, словно у совы и угрожающе сузились.

– Так-то лучше, мусорная ведьма. Эта внешность тебе вполне соответствует, – промолвила дама, мельком оглядывая убранство комнаты. – И домик тебе под стать, такое же ничтожество, как и ты сама.

– Да как ты смеешь! – Ведьма сделала выпад вперёд, её рот открылся в зверином оскале острых чернеющих зубов. – Явилась, не запылилась на мою голову. С какой стати, ты меня очаровываешь и снимаешь покров тайны? Кто ты такая?

– А сейчас я тебе прочищу память, бесовка, вспомнишь даже то, чего не знаешь!

Дама трижды стукнула об землю железным наконечником зонта, и рябь света, разбегаясь по грязному, затоптанному полу дома, растеклась по пыльным чёрным углам, распугивая мышей и пауков, и затопляя комнату белизной. Ведьма истошно заорала, завывла по-звериному и скукожилась ещё больше.

– Я бабушка! Я его бабушка и её мать! – грозно изрекла величавая гостя. – Ты просчиталась, ведьма! Ты осуществила шах, но мат за мной! Ты хитрая бестия, но куда тебе, ни-

чтожной шавке, до меня? Помойная тварь всегда останется помойной тварью. И твоё колдовство – помойное. Я тебе всё припомню, гадина! Никогда не переходи дорогу Верхним! Никогда!

Это произошло двое суток назад. В огромный, двухэтажный детский универмаг «Радость Детства», который в городе сокращённо знали, как РД, вошла пара – молодая леди и мальчик, мама и сын. Сынишке от силы можно было дать восемь лет, а вот его мать выглядела потрясающе юно и роскошно в приталенном и ниспадавшем до пола платье глубокого синего оттенка. Ей едва давали двадцать пять, ну так, с натяжкой. На самом деле даме минул уже тридцать третий год, и хорошо она выглядела не от дорогих и эффективных средств, просто наследственность была таковой. В её роду все женщины по материнской линии до глубокой старости носили юность на лицах, пленяли десятками мужчин и оставались непреклонными на мольбы поклонников о благосклонности, неся верность одному единственному избраннику всю жизнь.

Мама с сыном прямиком отправились на второй этаж, где царил мир раннего детства, и всё продавалось для детишек от рождения до вступления во взрослую жизнь школьника. Нижний этаж принадлежал поколению тревожных бунтарей

и застенчивых подростков. Туда они отправятся через пару лет, не раньше.

Они пришли за костюмом мальчику, классическим чёрным вельветом. Девушка-продавец услужливо юркала меж длинных рядов одежды, подыскивая искомое и стараясь угодить. Мать отвлеклась на пару замечательных костюмов, дорогих и добротных, выслушивая дифирамбы консультанта о товаре, и на несколько минут забыла о сыне. А мальчонка, распираемый неуёмной энергией детства, воспользовался ослабевшей материнской хваткой внимания и моментально исчез в лабиринтах висевшей одежды.

Ему не терпелось оббежать все ряды с одеждой, воображая себя первопроходцем в диких и затерянных лесах, его руки тянулись и жадно трогали каждый рукав и брючину, ведь сейчас это были ветви громадных ветвистых дубов и их мощные вздыбленные корни. Мальчик напрочь позабыл о матери и о цели их визита сюда, его не было в реальном мире, он был в далёкой и чудесной стране детской фантазии.

И вот в этот самый момент перед ним и возникла старушка в затасканном фланелевом платье в крупный цветок. Мальчик не испугался, и хотел было продолжить своё увлекательное приключение в соседнем ряду зимних курток, но старушка преградила ему путь и улыбнулась.

– Добрый день, молодой человек. Сегодня отличный день для забав и приключений, не так ли, юноша? – Пуговишки на круглом благовидном лице участливо подмигнули. –

И в какой стране, извиняюсь, вы совершаете подвиги? Если, конечно, это не секрет.

– Я не играю, мадам, просто мы с мамой пришли за костюмом, – пролепетал мальчуган и завертел головой в поисках мамы.

– С мамой, говорите. Такое событие. – Улыбка растеклась в приторно-сахарную, обнажая черноту зубов. – И костюм наверняка не простой, а для особого торжества, надо полагать. – Старушка следила за каждым движением мальчика.

– У бабушки день рождения. Для него и нужен этот костюм, – пискнул встревоженный мальчик и попятился. – Мне пора, мама меня ищет уже, наверное.

– Погодите, молодой человек, у меня есть кое-что для вас и вашей мамы. Вы меня, конечно же, не помните, но я давным-давно была соседкой вашей бабушки и видела вас ещё совсем маленьким. – Старуха не сдавалась и на каждый шаг назад собеседника, делала шаг вперёд.

– Я вас не помню, мадам, мне, правда, нужно идти. – Испуганный натиском пожилой женщины, мальчик стал озираясь по сторонам, ища лазейку среди тесно висевшей одежды.

– Пойдите, юноша, примите от меня в знак нашего давнего знакомства и в дань памяти, эту коробку конфет. Помните, вы их очень уважали.

Старушка погрузила морщинистую руку в потрескавшуюся и облупившуюся от времени, объёмную сумку мышино-

го цвета и выудила из неё миниатюрную белую коробочку с прозрачной крышкой.

– Спасибо, мадам, но я не могу принять от вас подарка, мама запрещает, да и неудобно мне, – запротестовал мальчик, всё больше пугаясь зловещей особы. Ему показалось на мгновение, что у назойливой женщины на пальцах торчали жуткого вида когти!

– Глупости! Держи конфеты и лакомься ими. – Старушка вмиг престала быть милой и дружелюбной, а глаза её стали круглыми, как у совы.

– Но я...

Ребёнок не успел сказать ещё и пары слов, как старуха зашипела, издавая странные слова и пихая коробку сластей в детские руки. Глаза мальчика потухли, голова уткнулась в грудь, а руки безвольно приняли дар и сникли. А странная старушка наклонилась к самому уху маленькой жертвы и прошипела:

– Ты отнесёшь эту коробку на день рождения своей бабки и угостишь ими её и свою мамашу, а затем и сам съешь их. Ты всё сделаешь, как я сказала, маленький ублюдок?

– Да, мадам, – вылетело из безвольных детских уст.

– Отлично! А теперь ступай к своей маме, и купите уже этот сраный костюм!

Старуха щёлкнула пальцами, мальчик вышел из оцепенения и тут же помчался напрямиком, не разбирая дороги, сбивая манекены и налетая на кучно увешанные стенды с одеж-

дой. А сзади расползлся противный шипящий хохот.

В тот вечер мальчику достался угол в наказание за непослушание и озорство, мама была строгой и справедливой. Конфеты в белой коробочке вначале вызвали удивление, но слова о старой соседке бабушки, будто бы благотворно подействовали на маму, и она их отложила в буфет до праздника. В конечном счёте, у бабули было много странных и старинных друзей, а соседей и тех всех не упомнишь.

На следующий день наступил долгожданный день рождения бабушки семейства. Этот день всегда был самым особенным в году, к нему заранее готовились, тщательно подбирали подарки и наряды. Это в этот раз мама забегалась и позабыла про костюм для сына, но сейчас новенький с иголки, цвета ночи он ждал своего звёздного выхода в свет. И часы подбадривали наряд, бодро отсчитывая секунды, минуты и часы.

Для мальчика всегда было загадкой, почему бабушкин день рождения так значим для семьи. Даже Новый Год, с его подарками и сказками, не имел такого авторитета, как его любимая и обожаемая бабуля, которая сама была огромной загадкой для любимого внука. Порой мальчику казалось, его бабушка – волшебница, добрая и светлая, как Глинда – волшебница страны Оз. Эту сказку он обожал больше всех и зачитал до дыр любимую книжку. Он был увлечён образом девочки Дороти, и мечтал, впрочем, как и любой мальчиш-

ка в тайне ото всех, попасть чудесным образом в страну Оз, встретить Пугало, Дровосека и Льва, а также саму Дороти и прекрасную волшебницу Глинду, которой вне сомнений, оказалась бы его красивая и всё ещё цветущая бабушка. Кто ж ещё мог быть Глиндой, кроме неё?

После обеда мама начала заметно нервничать и суетиться, она укладывала свои роскошные русые волосы в изящные локоны, и когда непослушная прядь отказывалась ложиться заданным курсом, до слуха мальчика долетали крепкие слова, от которых он хихикал. Когда она, наконец, закончила с макияжем, настал черёд быть красивым и ухоженным сыну. Мальчику мама помогла управиться со всеми хитростями костюма, а затем причесала и уложила при помощи специального средства его такие же непослушные, как и у неё, русые волосы, разделив их на ровный пробор по центру.

– Теперь ты настоящий джентльмен. Постарайся сегодня вести себя, как взрослый, не шали, и на бабушкином празднике поддержи меня. Хорошо, дружок? – Мама с восхищением смотрела на него и пригладила непослушные волосы, выбивавшиеся из общего порядка причёски.

– Мамочка, я буду себя хорошо вести. Ведь это день рождения бабушки, а я знаю, как это много значит для тебя, для неё. Да и для меня. Я тебя люблю, мамуль. – Сынишка вмиг дотянулся до длинной точёной шеи матери и обвил её ручонками.

– Спасибо, малыш. Я тебя очень сильно люблю и горжусь

тобой. Осталось надеть платье, и мы идём к бабушке.

Бабушка была неотразима в своём белоснежном, кружевном, длинном платье в пол. У неё был весьма странный вкус на одежду: всем поветриям мира и временам она предпочитала наряды первого десятилетия XX века, считая, что только в ту эпоху мода достигла особого шика и изысканности в крое, линиях и фасонах. Поэтому все знакомые и друзья привыкли видеть экстравагантную даму в старомодных платьях, жакетах и юбках, и считали этот пунктик милой причудой пожилой женщины, хотя, к слову сказать, все эти одежды сидели на её стройном теле безупречно.

Дома было не особо много гостей, но атмосфера царилась сказочная, ведь вместо электричества комнату для приёмов освещали сотни свечей, придавая особый шарм и уют, а также снимая то неуклюжее напряжение, которое обычно овладевает приглашенными людьми в первые минуты.

Хозяйка принимала гостей и лично усаживала каждого за длиннющий стол, который уже мог похвастаться аппетитными блюдами и дорогими винами. Подарки складывались на специальный столик в углу, но не быстро и мельком, а будучи тут же распакованными и искренно похваленными именинницей.

В этот раз мама с сыном пришли позже всех гостей, но бабушка ничего не сказав, крепко обняла и поцеловала обоих – эти гости были всегда самыми желанными в её доме неза-

висимо от того опаздывали они или нет.

Большой запакованный подарок, который оказался гигантской напольной вазой ручной работы, привёл в восторг хозяйку торжества, она была заядлой собирательницей таких вещей. Белая коробочка конфет тоже попала на столик с подарками.

Наконец все были в сборе и праздничный ужин начался.

А когда гости перешли к десертной программе праздника, случилось то, что перечеркнуло веселье и закончило день рождение досрочно.

– А дальше, ведьма, мой внук открыл белую коробочку с твоими конфетами-ракушками. Мне наплевать, что ты добавила в начинку, теперь это уже неважно, но мальчик успел угостить свою мать, прежде чем твоё колдовство вступило в действующую фазу. – Дама в сиреновом платье удерживала нестерпимый свет в затхлой комнате и линчевала словами ту, что тяжело дыша, скалилась. – Прежде, чем я успела взять конфету, мальчика скрутила боль в животе, он начал чернеть на глазах, изо рта пошёл чёрный дым. Тоже произошло и с моей дочерью. Они оба бились рядом со мной в конвульсиях, а жизнь выходила из них едким дымом. Пришлось выдворить всех гостей, они же не знали истинную причину, а при них я бы не осмелилась, мерзавка, и ты это знаешь, ох,

как знаешь. Простым смертным нельзя видеть действие магии, хоть сейчас и век прогресса, но рассекречивать не стоит свои способности. Твоё зелье было чертовски сильным, мне пришлось постараться. Мальчика и его мать спасло лишь то, что в них течёт моя кровь, хоть они и непосвященные. Они выжили и проживут долгую жизнь, ведьма! Так и знай!

Лютая ненависть полыхнула в совиных глазах, а клыки лязгнули с досады.

– И что же, скажи на милость, чего ты добивалась получить с их и моей смертью? – Дама не испугалась злобной гримасы ведьмы. – Власть?

Старуха отрицательно замотала головой.

– Наследственную силу? Так она передаётся только по крови. Или ты хотела искоренить мой род?! – Не отступалась женщина, её яростное негодование сдерживал зонт, принимая на рукоять давящую силу руки.

И снова ведьма молча отринула выдвинутое предположение.

– Остаётся только богатство. Да, наша семья влиятельна и богата. И ты, скорее всего, смогла бы получить доступ к средствам. И удар был нанесён не мне, а скорее моим наследникам. Я права, ведьма? Тебе нужно богатство?

– Да! – Старуха закивала и сглотнула слюну, капавшую с чёрных клыков.

– Боюсь, я растрою тебя. Ты просчиталась, лиса, – торжественно произнесла дама. – Всё состояние нашего дома за-

писано на моё имя и лишь я в реальности владею деньгами, ассигнациями, домами и машинами. Ты ошиблась и очень быстро, тебе следовало устранять меня сразу, а не травить моих близких, за которых я буду мстить жестоко. Твоё последнее слово, несчастная завидуша?

– Чёрный Бог! – прохрипело существо у ног дамы. – Чёрный Бог!

– Ты спуталась с Высшими Тёмными? Ты глупее, чем я думала, – воскликнула женщина.

– Он придёт и сотрёт тебя Верхняя Светлая! – злобно изрекла ведьма, её рот искривился в самодовольной ухмылке. – Тебе не убежать, я уже слышу, как дрожит земля, и стремится вода с неба, приветствуя Его! Тебе меня не убить Волшебница! Ты сама уже мертва.

Но дослушивать старуху дама не стала. Она и сама уже чувствовала, как изменился воздух, за окном сгущались мрачные тучи и извергали чёрные молнии с огненными брызгами, вгрызаясь в землю и оставляя после себя воронки. Небо разверзлось и обрушило на автомобильную свалку тонны воды. Земля содрогалась от мощных толчков извне, как будто кто-то огромный топал по ней, великан с ногами-сваями.

Верхняя Светлая выбежала из домика и попала под мощный заряд дождя, открытый зонт рвало и выгибало резкими порывами ветра, поэтому его пришлось сложить обратно. Дама бежала прочь от ядовито-злорадного смеха, увязая в

хлипкой жижке размокшей грязи.

– Ну, что Верхняя! Помогла тебе твоя сила, чистоплюйка? Думала, что так легко со мной справишься, Мадам Высокомерие? Ты ответишь за всё, что сказала и сделала в моём доме! Твоё богатство перейдёт в мои руки, а с твоим потомством будет покончено, потому что после тебя Чёрный Бог отправится к твоей ханже-дочери и ублюдку-внуку. Поделом тебе и твоему роду!

Изящное платье теперь мокрой тряпкой облепило тело и мешало пробираться среди гор мусора, путаясь под ногами, от шляпки проку стало мало и она утонула в ближайшей грязевой луже.

Земля вновь содрогнулась, источник колебаний был совсем близко. Женщина не устояла и покатила кубарем в ближайшую огромную яму, свалка была изрыта в давние времена и хранила немало таких сюрпризов, которые становились ловушками для случайных людей и животных. В одну из таких ловушек и угодила Верхняя Светлая Волшебница, чудом избежав опасного столкновения с торчавшей из земли ржавой железкой. Дно провала было усеяно хламом всевозможных останков автомобилей, и в мрачной темноте они поблескивали особенно зловеще.

Женщина почувствовала, как кто-то ей помогает подняться с липкой земли, поддерживая под обе руки, разглядеть людей она не могла, всё лицо было заляпано грязью. Подставив ладони дождю, она набрала пригоршню влаги и протёрла

глаза. Перед ней стояли двое – юноша и девушка, в рваной и заношенной одежде, грязные настолько, что глаза белели на лице звёздами.

– Скорее, бегите отсюда! Сейчас сюда придёт чудовище, мы уже видели, как оно расправляется с людьми и волшебницами. Вы же, волшебница? – прошелестел голос девушки.

– Да, но почему вы не уходите отсюда, детки? Идёмте со мной. Разве чудовище вас не тронет? – Дама протянула руку к юноше и её ладонь прошла сквозь его плечо, как сквозь дымку. – Что это с вами?

– Мы не можем уйти. Она нас привязала к этому месту навсегда. Мы её рабы, но мы можем помогать другим, когда она отвлекается, а ей сейчас не до нас, – ответил юноша-призрак.

– Но мне не выбраться из этой ямы. Надо придумать способ. У вас есть идея, детки? – Но призраки отрицательно покачали головами. – Так мне нужна минута и я всё решу.

– Быстрее, Чёрный Бог будет здесь меньше, чем за минуту! – Глаза-звёзды умоляюще смотрели на волшебницу. – Вы наша единственная надежда. Ещё никто не выбирался отсюда. Смотрите.

Серая ручонка указала чуть правее в сторону и только теперь дама заметила белеющие человеческие кости, вросшие в металлическую землю ямы. Глазницы одного черепа были устремлены в небо, которое постепенно погружало бранные останки в прибывающий дождевой потоп.

– Чёрт те, что творится! Неужели это сотворил так называемый Чёрный Бог? – Волшебница с неприязнью чувствовала, как её ноги увязают в зловонной жиже по щиколотку, туфли останутся здесь и присоединятся к тем костям незадачливых несчастных.

– Да, мадам, он ужасен и неодолим для вас. Вам нужно немедленно покинуть это место. Времени почти не осталось. Его дыхание простерлось уже над этим местом. Неужели вы не чувствуете? – Девушка призрак замерцала.

– Я чувствую примесь новой зловонной волны. – Дама приняхалась и поморщила нос. – Это он?

Призраки, молча, кивнули и растаяли в мокром воздухе, а пленница ямы осталась одна.

– Я знаю, кто меня вытащит отсюда. Тони! Ну, конечно же, этот чертёнок, кого угодно вызовет из любой дыры. Надо его призвать.

Верхняя Светлая закрыла глаза и сосредоточилась на юном пареньке, который в данный момент сидел в баре на противоположном конце города и наслаждался выходным вечером.

– Я нашла тебя, мальчик. Очень хорошо. Тони, ты сейчас нужен мне. – Связь шла телепатически, но женщина проговаривала вслух каждое слово.

– Ну, нет, мадам! Я только сменился и у меня законный выходной! Поимейте свою совесть, я и так работаю шесть дней в неделю. – На другом конце города за барной стой-

кой сам с собой заговорил смуглый парнишка низенького росточка. – Другого призовите, не в первой.

– Здесь нужен ты, Тони. Прошу тебя, вытащи меня отсюда. Я на дне ямы, которая находится на этой чёртовой свалке машин. А мы оба знаем, что ты самый лучший вытаскиватель.

– Мадам, мне право жаль, что вы попали в передрыгу, и вас угораздило забраться в эту дыру, но я...

– Если ты сейчас же не вытащишь меня отсюда, Антон, то больше никогда не увидишь меня и не услышишь! – строго произнесла женщина. – Ты будешь свободен от моей руки, но, как мы прекрасно знаем, циклопы долго не остаются без хозяев, а я припоминаю, что на тебя имел виды Чернокнижник, он очень любит циклопов, в особенности таких мальчиков, как ты. Надеюсь, ты меня понимаешь.

– Хорошо, мадам. Вы всегда знаете, чем пронять несчастного Тони, – вздохнул паренёк. – Точнее можете сказать ваши координаты? Так мне будет проще вас достать.

– Так-то лучше, дружок. Яма глубокая, в ней куча всяких железяк, вижу даже корпус старого автобуса, в подобных ему обычно детей развозят по школам. Больше добавить нечего. Здесь льёт, как из ведра и видимость нулевая. Ещё здесь кости пропавших бедолаг. Это всё. Поторопись, мальчик, у меня осталось всего несколько минут!

Ночь наступила на городской свалке, издали же казалось, что небо в том районе заволокла группа туч, в остальном же

городе стояла ясная погода. Тёмная сила сдавливала кольцо вокруг ямы и закручивала в вихревой поток чёрными кольцами ветер.

Тони отошёл от стойки и сел за столик в углу бара, где свет скрадывал полумрак, здесь он мог принять свой истинный облик, не опасаясь быть замеченным. Два его тёмно-карих миндалевидных глаза под толстой бахромой бровей почернели и стали сближаться друг с другом на лице, пока не слились в одно единое око.

– Я вас почти нашёл, мадам, скажите ещё что-нибудь, мне нужно вас слышать. И прикоснитесь к кости, так я вас ещё быстрее найду, – шептал он, глядя в стену.

– Это слишком противно, но выхода нет. – Она склонилась над утопающими останками и в жиге её пальцы нащупали тот запрокинутый череп. – Так лучше, дружок?

– О да! Я вас поймал! Садитесь в тот старый автобус, на нём я вас и вытащу со свалки.

Не мешкая, дама заползла в лежавший на боку битый и ржавый автобус без колес и стекла. Стенки проеденного влагой и воздухом кузова задребезжали и мёртвая машина, поднимаемая силой, встала на дырявое днище.

– Держитесь крепче за что-нибудь, мадам, будет трясти во все стороны. Мне нужно расшевелить это корыто. – На лбу Тони проступили крупные капли пота.

– Я готова, Тони. Тащи! – Волшебница вцепилась в поручень у дыры, что была некогда дверью.

– И раз! – Автобус закрипел.

– И два! – Надсадно заскрежетало железо, обнимавшее машину.

– И три! – Нехотя наземное судно поплыло вразвалку по куче мусора, буравя и сшибая всё на своём пути.

– Ура! Ты молодец, мальчик! – ликовала дама.

Когда автобус уже подобрался к краю ямы и готов был дать старт по направлению к городу, что-то ухватило сзади машину и с жутким рёвом потянуло назад, на дно.

– Помогите мне, мадам! Мне не справиться с ним! – Тони испугался, потому что увидел то, что было сзади автобуса.

– Сейчас, дружок! Только умоляю, вытащи меня отсюда! Держись, Тони, прошу!

Верхняя Светлая развернулась в сторону тьмы и вгляделась в неё: из чёрного марева простирались огромные ручища, обхватившие бока разваливавшейся колымаги. На волшебницу взирали сама ярость и злоба всеобщего зла, сконцентрированные в бездонных огненных глазах монстра, именуемого среди ведьм и волшебниц Чёрным Богом. Ещё никому из магического ордена не доводилось одерживать победу над этим демоном, все величайшие схватки были занесены в Великую Книгу Жизни, и история сей летописи вещала, что монстр неодолим для магии. Монстра может сразить только другой монстр.

Глаза дамы просияли, она решила использовать то, что всегда становится самым главным врагом великих созданий,

а именно, гордыню. Повиснув на поручне одной рукой, вторую она раскрыла свой грязный зонт-трость и направила его примехонько в бурлящую темноту.

– Чёрный Бог, взываю к тебе, как к Владыке Вечного Мрака и Хаоса, Властелину Огненных Врат Нижнего Мира, Хозяину Потерянных Душ и Повелителю Высших Темных. Взываю смиренно и с мольбой, как одна из Верхних Светлых, как песчинка к урагану, как смертная к Смерти! Услышь и дозвожь сказать, о, Чёрный Бог!

Ураган вырвался из разверзшейся пасти чудовища и автобус чудом не сорвался в пропасть тьмы, простёршейся на дне ямы. Теперь это была бездонная дыра в преисподнюю, и всё, что падало туда, пропадало бесследно.

– Мадам, я больше не могу его сдерживать! Он смотрит на меня, мадам! Он меня нашёл! – Голос Тони начал тонуть в рёве шквалистого ветра и пульсировать прерывистыми сигналами.

– Мальчик мой, потерпи, ещё минутку! Я смогу! Я знаю слабое место. Я его нащупала.

Автобус держался на тонкой магической нити, которая трещала и грозилась оборваться в любой момент.

– О, Чёрный Владыка, услышь меня, смертную, прошу! Почему, скажи, почему, какая-то низкая презренная душонка призывает тебя, словно слугу, для проведения грязной работы? Не ей, а только тебе следует повелевать! Не ей, а тебе можно отдавать приказы! Обернись, о, Чёрный Повелитель!

Вон дом той! Дом грязной, недостойной смертной, которая вырвала тебя из чёрного сна и натравила по своей прихоти на ту, что не стоит твоего внимания и, тем более, твоей ярости! Обернись и накажи её! Она не смеет так вести себя! Она ничтожество, не достойное, твоего величия! Накажи её! Будь Великим в своём гневе и ярости, о, Чёрный Бог! Доверяюсь твоей воле и справедливости!

Произошло то, на что и надеялась волшебница, монстр отпустил автобус и, издав поистине леденящий душу рёв, набросился на серый домик мусорной ведьмы. Дом разлетелся на кирпичики и растаял в чёрном хаосе смерча, а до слуха дамы долетел угасающий крик ужаса, потонувший вместе с домом и горами мусора вблизи.

Тьма отступила и рассеялась в тот же миг, и дно ямы вновь вернулось на своё место, а там, где был до этого дом, зиял пустотой пустырь.

– Тони, вытаскивай меня скорее.

Автобус без труда перевалил за обрыв ямы и поплыл над землей, выскивая кратчайший путь с автомобильной свалки. Волшебница уселась в грязное, разодранное, но чудом уцелевшее единственное сидение старинного транспорта и улыбнулась.

– Молодец, Тони, благодарю тебя от всего сердца. Я была очень занята последние месяцы и не удосужилась тебе предоставить отпуск. С завтрашнего дня имеешь полное право взять отпуск на два месяца и поехать к родным на юг.

– Ого! Давно бы так, мадам! От кого вас ещё спасти, может, вы мне ещё и прибавку к жалованию дадите? – Паренек забавлялся и крайне был доволен удачным исходом.

– Не наглей, юноша. Я подумаю над твоей прибавкой, но сперва отгуляй свой заслуженный отпуск. – Она улыбалась, Тони, этот добродушный парнишка, ещё ни разу её не подводивший, ей нравился.

– А лихо вы с ними расправились! – восторженно донёсся по мысли-нити голос паренька. – От двух бед – один ответ. Да? Ведьме ведь конец пришёл?

– Не следовало ей трогать моих близких, – отозвалась волшебница. – В этом её ошибка была, а самая большая глупость – вызвать это чудовище. Ведь монстра может сразить только другой монстр.

МОСТ

Она стояла на мосту. Пальцы сжимали поручень перил с такой силой, будто жаждали врасти в металл. Парапетное ограждение стройной колоннадой разбегалось в обе стороны, подсвеченное рослыми фонарями, раскиданными вдоль моста этакими спичками-великанами с горящими головами. Прямоугольник поручня холодил кожу рук, вторя настырному промозглому ветру апреля.

Лёд недавно сошёл с реки, полностью обнажив её тусклое и мутное тело. Жизнь только пробуждалась от зимнего

анабиоза; вялости и заторможенности ещё только предстояло смениться бурной энергией, перейдя в бойкую и разбитную деятельность. Даже воздух был не тот, что прежде, в холодном по-зимнему, в нём уже чувствовалось послабление и затухание отживших выюг.

Она недвижно стояла одна. В эту глухую ночную пору никого не было здесь, все либо спали, либо предпочитали находиться в куда более уютном и тёплом месте, нежели на Угрюмом Мосту. Почему мост так звался? Этот незначительный сейчас вопрос, волновавший её когда-то давно, ещё девчонкой, теперь всплыл поверх прочих других, отвлекая от назойливого шептания десятка губ и отсрочивая задуманное.

Одна на мосту. Свет фонаря дружелюбно, скорее даже по-братски окутывал её замершее по струнке, как у игрушечного солдатика, тело. Плотный мутно-жёлтый светоч ограждал одинокую женскую фигуру от темноты, образуя на асфальте неровный круг.

Она вглядывалась в воду, та неслась мимо мостовых бычков, хлеща тех наотмашь за их несуразное воспрепятствование её продвижению. Вода неистовствовала, вновь ощутив долгожданную свободу после зимы, и в любой преграде видела новую угрозу плена, остро воспринимая в штыки мало-значительные помехи на своём пути. Женщина слышала голос реки под собою, то торжество, что поднималось снизу и призывало к бунту всё живое. Тьма была и в воде, но то была чернота иного рода, не та, что подступала со всех сторон к

фонарю-защитнику. Вовсе не та.

Мостовое полотно пустовало, ни машин, ни людей, ни собак бродячих. Но она слышала, как из холодного ветра отрываясь и устремляя ход, в неё летели слова тех, кого хранила от глаз ночная темень.

– Чего ты ждёшь? Почему медлишь? – голоса шептали бесстрастно, сплетаясь в неровный хор.

Она молчала, терпела, но молчала. Она боялась ответить им, её ужасало, что они её услышат и тогда....

Но что тогда будет, она не знала, но скорей всего ничего хорошего.

– Ну же, ты почти сделала это, детка, всего один шаг, – сбоку вкрадчиво шептал старый, знакомый и до боли любимый голос.

– Мам, я по тебе скучаю, когда ты придёшь? – с другой стороны шелестел другой близкий сердцу, тонкий голосок.

– Жанна, будь умничкой, ты же не трусиха. Не такой я тебя воспитала, дочка. – Третий голос обжигал спину.

– Ну и чего ты замерла, тихоня? Тебя ещё долго упрашивать все должны? Уговаривать, как в детстве? Ты всегда была такой – самовлюблённой дурой. Вот ты кто! – грубо проворчал голос-пощёчина, от которого кровь разлилась под кожей на лице.

– Да она просто выпендривается! Это возмутительно! – один среди многих зашептал особенно яростно. – Испытывать терпение мёртвых недозволительно! У каждого есть

свой час и место. Мы не можем из-за этой цацы терять драгоценные минуты, когда нас ждут в других местах!

– Погодите! Дайте ей ещё минуту. Я уверена, что моя дочь оправдает наши ожидания. Я знаю, на что она способна.

Гомон усилился, это уже был гигантский пчелиный рой, бесновавшийся вокруг световой преграды. Давление росло, ветер перешёл в злобные порывы, выбивая слёзы и пробираясь к телу сквозь одежду. Ровный свет фонаря задрожал и грозил вовсе потухнуть.

– Либо сейчас, либо никогда! Решайся, трусиха! Что тебе терять ещё? В другой раз мы не придём, чтобы проводить тебя. Ты будешь одна и одна останешься, – гневно вещал голос-предводитель.

– Хорошо! Хорошо! Я сделаю это!

Женщина сорвала с головы вязаную шапочку и бросила ту за круг света. Длинные волосы тут же растрепал злорадствующий ветер. Ограждение не было высоким, ноги справились с преградой. Ещё цепляясь руками за поручень, она обернулась назад, фонарь моргнул пару раз и погас. Шелест высохших, как листа осенью, голосов смолк, но они были здесь, она чувствовала их тени.

Шаг в пустоту. Краткий полёт и прорезь водной кромки. Тело тяжёлым камнем вошло в ледяной наст, буравя поперёк и ломая стройность течения. Тьма воздушная сменилась тьмой водяной. На краткий миг она испугалась и захотела выбраться обратно, но ноги поспешно тянуло вниз, удаляя

тело от стремительно выравнивающейся поверхности и приближая к непроницаемому дну. Холод стал нестерпим, и конечности свело судорогами; сердце, трепетавшее и бывшее сигналы тревоги, замедлилось; лёгкие рвало изнутри нехваткой кислорода. Вода ворвалась внутрь и заполнила нутро своим жидким льдом.

На мосту всё было, как и прежде. Ни души. Только внизу шумела река, огрызаясь на торчавшие в пути опоры, да ветер сошёл на нет, забрав свою лютость до следующей ночи.

Ветер крепчал, набирая обороты, присвистывал порывами в предчувствии неизбежной беды. Фонари по обыкновению стерегли мостовой настил от притязаний ночи, огненными шарами неся бдительный караул.

Она вновь стояла впритык к перилам, вцепившись в поручень. Тоже место под тем же фонарём. Внизу бурлила река, громогласно проклиная мостовые быки, вставшие поперёк её ходу. Из темноты гудел сонм голосов, чужих и близких, желанных и нелюбимых. Все они требовали одного. Она стояла, застывшей восковой фигурой, она не решалась на то, что замыслила давно.

– И чего ты ждёшь, куколка? – причитал женский старческий голос. – Думаешь, нам есть дело до тебя? Ты прима? Или суперзвезда? Кто ты такая, милашка? Ты никто! Про-

сто глупышка с миловидным личиком. А за душой никого и ничего. Это я, Алма Кливанс, звезда мюзик-холла самого Мулен Руж, я могла претендовать на особую почесть в конце пути! Да и то обошлась скромными пилюлями снотворного. И не делала, как ты, куколка, из своей кончины представления на публике! Нет! Алма Кливанс ушла достойно и незаметно, хотя имела право на громкий конец. А к чему тебе всё это? Зачем задерживать мёртвых? Зачем тянуть kota за сама знаешь что? У тебя есть хоть одна причина жить? Есть? То-то же! Нечего думать – сигай вниз и делу конец.

От резких слов она вздрогнула, пальцы так стиснули поручень, что казалось ещё чуть-чуть и металл сомнётся под яростным натиском.

– Мам, мамочка, – плаксиво всхлипывал детский голосок, – я так скучаю без тебя. Я так сильно скучаю. Тут темно и тихо. Мне не хватает твоего голоса и объятий. Мамочка, когда ты придёшь ко мне? Когда?

Слёзы заволокли её глаза, нос зашмыгал, она не двигалась, всё ещё стоя в нерешительности.

– Милая, мы с Алисой заждались тебя, – вкрадчиво и нежно шептал приятный мужской голос, умножая слёзы женщины. – Нам плохо. С тобой всегда был свет и тепло. А без тебя здесь вечная темнота и печаль. Детка, я так сильно тебя люблю! Так скучаю по тебе! Неужели мы тебе больше недороги?

Она уже собиралась воскликнуть «Нет! Я вас люблю также и безумно скучаю без вас, любимые мои!», как вслед

за любимым голосом летел шелест другого, ворчливого и недружелюбного говора:

– Вот ведь эгоистка такая! Сколько мы с матерью тебя воспитывали, сколько талдычили тебе с малолетства, а результат то один – только о себе думаешь! Такая же стерва, как твоя мамаша, та ещё сучка была. Хоть одно дело хорошее сделала за всю жизнь – вовремя ушла в мир иной. Но и тут эта сучка меня донимает! А ты? Почему ещё стоишь, как истукан? Думаешь, что мы тут вечно тебя опекать должны и ждать твоего конца? Дура!

Женщина нервно поёжилась, этот мужской голос вызвал иную боль в памяти, нежели предыдущие голоса.

– Жанна, дочка, не слушай старого пердуна, мало ли что этот говнюк, говорит, – встал на защиту женщины заботливый и отважный женский голос. – Ты выросла настоящей умницей и стала заботливой женой и матерью. И ты никогда не была трусихой, дорогая. Я верю в тебя, у тебя получится. Смелее! Это не страшно.

– Уважаемая, поторопитесь, время мёртвых на исходе, как и ваше, – вторил женскому голосу бесцветный мужской.

Растирая соль слёз по покрасневшемуся лицу, в смеси противоречивых чувств, она скинула шапку и, позволив злому ветру растрепать волосы, перебралась за ограждение. Короткий бросок взгляда назад – фонарь заговорщицки моргнул жёлтым оком и погас, дав теням приблизиться к поручню. Голоса молчали, но она чувствовала их настойчивый

призыв.

Она прыгнула. И вода поглотила её, недовольно рыгнув и тут же сомкнувшись над головой женщины, начисто стирая её жизнь и заноса в список тех, кто провожал на мосту. Ветер, довольный результатом, тут же ослабил хватку, засыпая и сберегая жестокость до будущей ночи.

Кажется, это уже было. Чувство дежавю настойчивым молоточком стучало в ней. Угрюмый Мост в середине ночи, фонари с шапками огня и тени за ободком света, в котором она стояла. Настойчивость шёпота поражала женщину – слова, льющиеся из мрака в разнообразной яркости эмоций, слишком хорошо были знакомы.

Ветер, с остервенением бивший в лицо и морозивший пальцы рук; река, что торопливой дугой неслась под мостом – всё слишком было памятным. И эта память, как назойливая чесотка, зудела и взывала к ней – вспомни! это важно, вспомни!

Гомон бестелесных голосов наперебой уговаривал, увещевал, требовал, приказывал, а она не слушала их. Вернее, слушала, но как бы сквозь, пытаясь понять бой молоточка внутри себя.

– Прыгай! Давай, ступай! Сделай шаг! Мы ждём. Мы все тебя ждём!

Но что-то внутри неё переключилось за пределы этого дикого гула, её тонкий слух вырвался за пределы моста и тут молоточек тревоги забил в такой мощный набат, что женщина накрыла уши ладонями, силясь заглушить какофонию звуков.

– Давай! Давай! Давай! Прыгай! Прыгай! Прыгай!

Голоса вплелись в грозный набат, и она закричала, оглушённая болью в ушах.

– Не-е-ет! Не-е-ет!

Она опустилась на колени, свет фонаря начал предательски вздрагивать. Голоса усилились, перейдя в наивысший пик зловещего завывания. Больше в них не было любви и нежности, высокомерия и грубости. С них сорвалась маска, обнажив истинную сущность природы теней.

– Прыгай! Прыгай! Прыгай!

– Нет! Прошу! Я не хочу! Прекратите! – Слёзы застилали глаза, голова готова была взорваться от нестерпимого ора. Даже река и ветер объединив усилия и словно сговорившись, взревели, усиливая и без того шумный поток голосов за спиной.

– Прекратите! Прошу! Я не хочу! Я не хочу!

Женщина выкрикивала слова в пустоту вновь и вновь. Она осмелилась обернуться и посмотреть в тень фонаря, который явно готовился к преждевременному сну. Если он погаснет, думала она, если только свет его померкнет, то тьма раздавит её. Потому что сегодня тьма имела Голос.

Но что-то нарушило планы ночи. Голоса вмиг смолкли и настороженно ожидали вблизи женщины. Ветер сник, растеряв злобную ярость, а река гнусаво загундела, ворча, но не осмеливаясь более поднимать голос быстрых вод. А затем женщина разглядела не спеша приближавшийся к ней силуэт, идущий с левого конца моста.

Человек из плоти и крови брёл по мостовой, ныряя по очереди в световые поля фонарей. Она была не одна. Эта мысль придала ей силы, и она встала на ноги, опершись поясницей в поручень.

Фигура приблизилась и остановила свой ход у кромки её света, будто ожидая приглашения.

– Доброй ночи, – произнёс мужской голос с теплотой, как ей показалось.

Она промолчала, не веря глазам и всё ещё пребывая в отупелом состоянии от оглушившей после шума тишины.

– Доброй ночи, Жанна, – мягко повторил голос, показавшийся знакомым из далёкого прошлого. – Не бойся, твоя ночь окончилась.

– Кто вы? – спросила женщина, убирая руки от наполненных болью ушей.

Человек сделал короткий шаг и вошёл в свет круга. Молодой мужчина в кожаной куртке с непокрытой головой, которую венчал тёмный ёж коротких волос; в вельветовых брюках цвета воды под мостом и ботинках на толстой подошве прямо стоял перед женщиной и неотрывно смотрел

на неё.

– Кто вы? – Она всматривалась в его непроницаемо чёрные глаза, силясь понять, реален ли он или это розыгрыш теней, их коварный ход.

– Так ли это важно? – проговорил он, чуть щурясь от прямого света.

– Для меня важно, – ответила женщина, разглядывая правильные, классические черты лица незнакомца, делавшие его обольстительно красивым даже с небрежным наростом тёмной щетины.

– Важно было, когда ты минуту назад думала о смерти и стремилась к ней, – невозмутимо, спокойно ответил незнакомец, нисколько не смущаясь от откровенного разглядывания. – А теперь всё позади.

– С чего вы взяли, будто бы я...?

– А разве было не так?

Женщина смутилась и не знала, что сказать в ответ. В черноте глаз незнакомца светилась вся её жизнь. Будто он всегда знал о ней всё.

– Кто вы?

– Ах, Жанна, Жанна, – приятная полуулыбка смягчила его лицо, придав ещё больше привлекательности. Женщина уже откровенно любовалась незнакомым собеседником вровень стоявшим напротив неё. – Ты всегда была любопытной девчонкой.

– Мы разве знакомы? – растерялась женщина под взгля-

дом глаз, в которых промелькнуло озорство.

– А ты как думаешь?

– Но я вас вижу впервые, – сказала она, ещё внимательнее изучая черты лица незнакомца.

– Разве? Ах, да, ты же забыла, – отозвался его медовый голос, такой знакомый, что её ошпарило от ужаса. Голос принадлежал прошлому, далёкому и забытому специально.

– Не может быть! – воскликнула она, зажимая рот ладонью.

– Всё не так безнадежно, не так ли? Память всегда возвращается, – улыбнулся мужчина с теплотой, знакомой ей когда-то так давно.

– Но ты не он! Ты не можешь быть им! – процедила сквозь пальцы женщина.

– Ну отчего же так категорично? – шутливо пожурил её его голос.

– Ричард умер давным-давно, – выдохнула она. – Семнадцать лет назад.

– Умер, – задумчиво произнёс мужчина. – Что ж, можно и так это назвать.

– Он утонул, когда пытался переплыть эту чёртову реку, чтобы доказать... – она не договорила, слова застряли в гортани, а воспоминание юности ожило с невероятной яркостью, захлестнув её нутро позабытой горечью.

– Чтобы доказать тебе свою любовь, – договорил за неё мужчина. – Что ж, не повезло ему.

– Но голос, манера говорить и смотреть так похожи... Как? Как такое возможно? – спросила она, силясь утихомирить подступившую истерику.

– Можешь считать это новым этапом, перерождением в нечто более иное, – ответил мужчина, продолжая мягко улыбаться.

– Но ты это не он, ведь так? – с сомнением спросила она.

– И да, и нет, – произнёс он. – Что-то во мне от него есть, но не всё. Скорее память его во мне.

– Память... Но кто же ты такой? – Она сделал шаг к нему.

– Я всего лишь Смотритель Угрюмого Моста, вот кто я, – просто ответил мужчина. – Каждую ночь я восхожу на мост и слежу за живыми, оберегая их от слов мёртвых.

– Это ты прогнал голоса? – изумилась женщина.

– Ну. Прогнал, сильно сказано. Они сами покидают мой мост, как только завидят меня. Я им чем-то неприятен.

– Ты живой?

– Скорее живой, чем мёртвый, – усмехнулся он и в доказательство легонько ухватил ладонь женщины. Его пальцы распространяли тепло, чуть ли не обжигая заледеневшую кожу её руки. – Да ты безбожно замёрзла. Позволь, согрею.

И не дожидаясь специального разрешения, мужчина обхватил обе её ладони и заботливо принялся их растирать пальцами.

– Бедная Жанна, – вдруг произнёс он. – До чего довела тебя жизнь. До чего довела себя ты сама.

– О чём это ты? – Испугано встрепенулась женщина.

– После смерти Ричарда, когда вам было по восемнадцать лет, что-то изменилось в тебе. Что-то нарушилось, – говорил мужчина, нежно массируя кожу на её ладонях. – Ты смогла утишить боль, заглушила её временем и работой. Встретила мужчину, частично похожего на Ричарда, и, безусловно, любившего тебя до безумия. Родила прелестную девчущку. Всё шло хорошо. Но, что-то сломалось в колесе судьбы. Твоя добрейшая мать, страдавшая и мучившаяся от притеснений отца-алкоголика, в конце концов, покинула этот бранный мир, получив в избавление билет с пометкой «инфаркт». Да и папаша не задержался, сердечко дало сбой.

Она в оцепенении слушала историю своей жизни, теперь покоившуюся за спиной, дивясь всё сильнее осведомлённости незнакомца, но, не смея его прерывать.

– А после наступил самый чёрный день, – продолжал мужчина. Его тёмные глаза блестели и прямо смотрели на неё. – Машина с любимым мужем и обожаемой дочуркой угодила в дерево, из-за одного безрассудного лихача, грубо вылетевшего им на встречу. За один удар остановились два сердца.

И вновь женщина смолчала, но не от удивления, а от тяжкого воспоминания, которое вытащил в свет фонаря мужчина.

– Три года ты мучилась, бедная Жанна, три долгих года, – говорил он. – И работа была тебе не в радость. И дружба стала обузой. Ведь как можно спокойно бывать в семьях, где

слышен детский смех и любовный говор пар? Ты отдалилась от людей, замкнулась в своём одиночестве, как улитка в раковине. Только улитка выглядывает из ракушки, чтобы поесть и сдвинуться с места, а ты так в ней и застряла. Отчаяние привело тебя на Угрюмый Мост месяц назад. С тех пор ты застряла в ночи, переживая вновь и вновь ужас.

– Что ты имеешь в виду? – Она замерла от его последних слов.

– Знаешь ли ты, почему мост этот называется Угрюмым? – спросил мужчина.

– Нет, не знаю, но я хотела узнать. Прежде, когда...

– Раньше это было любимое место самоубийц – удобная площадка для последнего старта, – ответил он, продолжая наглаживать её ладони. Холод отступил, но она не торопилась убирать из заботливых рук пальцы. – Но когда лимит достиг роковой черты, сюда прислали Смотрителя. Именно ему было поручено удерживать безумцев от последнего шага. Вразумлять и отговаривать.

– Но ты меня не отговаривал, – заметила она.

– Тебя отговорили другие, те, что мучили тебя месяц.

– Но они наоборот меня уговаривали прыгнуть! – возразила женщина и импульсивно вырвала ладони из ласковых мужских рук. – Они требовали моей смерти! Они могли меня убить.

– Нет, убить бы они не смогли, они всего лишь тени, – мягко заверил он её. – Но с ума свести могли. Их цель не

убить, а *переубедить*. Правда понадобился месяц, чтобы ты наконец-то одумалась. Ты всегда была упрямицей, Жанна.

– Что значит месяц? – воскликнула поражённая его признанием женщина. – Я только сегодня пришла на этот чёртов мост. До этой ночи я и носа сюда не совала.

– Ай-ай-ай, – протянул он и виновато улыбнулся. – Это уже моя работа.

– То есть как? Объясни! – потребовала она. Пальцы вновь начал одолевать холод.

– Ну, как бы тебе сказать помягче, – начал он, уведя на краткий миг взгляд в сторону темноты. – Ты приходишь сюда каждую ночь, как заговорённая, стоишь и слушаешь то, что говорят тебе тени. А после прихожу я и стираю ночь из твоей памяти. И так каждый день. Мост, ты, тени и я. Заколдованный круг.

– Ты забирал мою память каждую ночь?! Целый месяц я сюда приходила? – Она в ужасе отшатнулась от собеседника и тут же упёрлась в жёсткий поручень.

– Да, признаюсь, это не по-джентльменски, – согласился он. – Но только так можно было тебя удержать.

– Но я, кажется, падала в воду, – сказала она, обрывки памяти заискрились с новой силой в ней.

– Нет, ты просто стояла, – уверил её Смотритель, добавив, – но то, что ты якобы падала, признаюсь всецело моя вина. Мне пришлось навязать тебе этот ужас, чтобы ты постепенно осознала, каково быть самоубийцей. Это не забве-

ние после смерти. Это хуже. Никто не знает из живущих на земле, что каждый самоубийца обречён после смерти переживать свою кончину беспрерывно. Это самая худшая пытка из всех, что может достаться после смерти.

– Ты сотрёшь мне память? – еле слышно спросила она.

– Нет, милая Жанна, – его губы вновь мягко ей улыбались. – Теперь ты свободна и вне опасности. Иди себе домой и спи крепким сном.

– И я не забуду эту ночь и тебя? – Она смотрела ему прямо в глаза, которые оставались непроницаемо черны, как ночь за его спиной.

– Нет, не забудешь. Я не буду забирать твоё воспоминание, – отозвался Смотритель. – Пусть оно оберегает тебя каждый день от роковой ошибки.

– А тебе не одиноко здесь одному каждую ночь? – поинтересовалась женщина.

– Одиноко, но не так, как тебе.

– А как давно ты здесь? – спросила она.

– Я давно не веду счёт годам, – с безразличием отозвался он. – Бесплезное это дело и ненужное.

– А ты бессмертный? – Осмелилась она на предположение и тут же почувствовала себя глупой.

– Я? Бессмертный? Какая прелесть! – довольно громко, но беззлобно рассмеялся мужчина. – Нет, милая Жанна, я смертен, как и ты.

– Но всё же ты не такой, как все, – растеряно заметила она.

– Да. Но никто не может быть «как все». Это абсурд.

– Можно мне прийти завтра ночью сюда? – немного помолчав, спросила она.

– Зачем? – Улыбка тут же слетела с его губ.

– Не бойся, прыгать я больше не хочу, ты превосходно справился со своей работой, – поспешно заверила она его.

– Тогда для чего тебе сюда приходиться?

– Не для чего, а для кого. – Теперь её голос обрёл мягкость.

– Ты предлагаешь мне свидание?! – Его глаза заблестели, а лицо вновь осветила улыбка. – Свидание Смотрителю Угрюмого Моста? Вот это поворот!

– Я просто хочу составить тебе компанию, чтобы было не так одиноко нести ночную вахту, но если тебе нельзя или ты сам не хочешь...

– Нет, нет! – поспешно проговорил он, подойдя на шаг ближе к ней. – Это замечательная идея.

– Так, я тогда завтра приду? – спросила она, довольно улыбаясь и смотря в чёрноту глаз напротив.

– Конечно, – ответил Смотритель. – Я буду под этим самым фонарём.

– Кстати, а как тебя зовут? Ну, неофициально, – спросила она напоследок.

– А как ты хочешь, чтобы меня звали? – всё также мило улыбаясь, произнёс он.

– Ричард, – не раздумывая, сказала она.

– Так и зови меня, милая Жанна, – согласно кивнул он и, сделав пару шагов назад, вышел за предел фонарного света. – До завтра.

Женщина повернулась лицом к перилам, и посмотрела вниз. Река неслась во весь опор, будто необъезженная кобылица, врезаясь в мостовые быки. Всё вроде бы было по-прежнему, но уже не так. Неожиданно для самой себя она впервые за долгие годы улыбнулась, легко и беззаботно, ощущая, как тяжесть скопленной боли утекает и уносится безумными водами.

С Угрюмого Моста сходила женщина уверенной, легко-весной походкой. Она напевала бодрую песню.

ОДНА ИСТОРИЯ

Произошла эта история около ста лет назад с одной симпатичной и милой девушкой двадцати лет отроду. Имя её принадлежало прелестному майскому цветку – боярышнику, оно даже было созвучно с месяцем цветения этого растения. Мэй.

Жила девушка в небольшом провинциальном городке Траэ, примостившимся аккурат у самого моря. Точного числа лет городу никто из жителей дать не мог, потому, как архив ратуши сто шестьдесят лет назад подвергся затоплению, равно как и весь город. Виной тому стал чудовищный шторм, хозяйствовавший вдоль всего побережья и принесший мате-

рику помимо масштабного наводнения, жуткий ураганный ветер. Древнейшие манускрипты, содержавшие ценнейшие исторические справки о Траэ и его обитателях канули в лета, вернее их смыло беспокойной водой в море, бушевавшее по ту пору несколько дней.

Город тогда выстоял и уцелел. Пришлось подлатать дома и улицы, но вот история захромала с того момента. Старожилы уверяли, что город был основан ещё в далёкие времена правления великого римского правителя Константина, те, кто помоложе, были скромнее в подсчётах. Но, тем не менее, жители Траэ гордились своим пребыванием на этом клочке земли и считали любого, кто осмеливался расширить свой кругозор и покинуть городок, выскочкой и предателем.

Мэй работала горничной в доме одного предпринимателя по фамилии Робиспаро. Он был потомком неистовых французских корсаров и беспощадных испанских наёмников-головорезов. Эта кипучая и авантюрная наследственность хорошо помогла господину Робиспаро основать и развить свою фирму по поставке алкоголя и табака, став монополистом и безоговорочным хозяином в этой сфере не только в городе, но и в близлежащих многочисленных деревеньках. Рослый, широкий в плечах и статный, миловидный и крепкий здоровьем Робиспаро мог считаться эталоном красивого мужчины по тем временам. Смуглый и черноволосый он смахивал на пирата, его манеры и воспитание были на высочайшем уровне, и семья у него была самой образцовой в Траэ. Чего стоили

разговоры о госпоже Робиспаро! Каждая сплетница в городе и каждый завсегдатай трактиров считали за обязанность помянуть в беседе прелести и манерность мадам. Никакой неземной красотой, естественно, супруга предпринимателя не обладала. Это была молодая, приятная, тихая женщина, миниатюрная и доброжелательная ко всем и вся, что ставило её в противовес темпераменту супруга и облагораживало до небес. Дети у четы Робиспаро также имелись, мальчик и девочка, как полагается, одиннадцати и тринадцати лет. Учились они на дому, а преподавателями их были лучшие учителя города.

Мэй получила работу в доме успешного дельца не случайно, девушка прошла строгий отбор среди других соискательниц, и по ряду причин именно на неё пал выбор хозяйки, которая всегда лично отбирала прислугу для дома. Аккуратная и деликатная горничная очень быстро влилась в особый ритм белоснежного особняка с колоннами из жёлтого мрамора. Дом был богат и широк, как снаружи, так и внутри – это было второе по величине и помпезности здание после губернаторских хором. И жалование здесь платили весьма щедрое.

Мэй, тихая и скромная девушка, от природы была наделена пылким воображением и страстью к старым умным книгам. Хоть в её личной библиотеке было всего восемь книжек, перечесть за свою юную жизнь ей повезло во много раз больше произведений самых разных авторов, благо её покойный

отец до поры работал в том самом архиве ратуши и тайком приносил домой труды почтенных мужей, давным-давно покинувших этот бранный мир.

Книги, конечно же, возвращались также тайно обратно, но прежде маленькая Мэй поглощала с завидным аппетитом всю информацию, что содержали старинные манускрипты. Девочка выросла, и книги становились всё толще и замысловатее. Особыми любимцами её были труды отважных путешественников, дневники бесстрашных первооткрывателей далёких и странных земель. Также её манили рассказы о головорезах-пиратах, захватывавших, в основном, испанские суда, гружённые доверху золотом из далекой загадочной Америки. Авантюра и сказка – вот, чего не хватало ей в этом городке. Больше всего на свете, Мэй хотелось отправиться в другой город, подальше от Траэ, а лучше не в один, а во многие города. И путешествовать, странствовать где угодно, изучать людей и их обычаи. Ведь ни один город не похож на другой, даже если так кажется. Всегда будут определённые особенности и уникальные традиции. Так говорили книги, а через них те, кто это видел и знал.

Одного боялась Мэй – оставить отца одного. Она не страшилась, стать изгоем в Траэ, её это не волновало, но отец, другое дело, он был из другого теста, нежели она. Он ни за что не покинул бы пределов городка, слишком многое довлело над ним, но более всего, могила любимой и давно ушедшей на тот свет супруги. Даже с годами ей не нашлось заме-

ны в сердце архивного библиотекаря, ни когда Мэй была ещё крошкой, ни когда девочка вошла в юный возраст. Мэй не помнила матери, та умерла сразу после родов, но бережно хранила миниатюрную фотографию обоих родителей в кулоне с секретом на тонкой серебряной цепочке, никогда не покидавшем её шеи.

Началом поворотного этапа в жизни молодой девушки стали изменения в доме предпринимателя, касавшиеся лично только её. Так случилось, что приглянулась Мэй господину Робиспаро, не смотря на то, что он слыл почтенным семьянином и заботливым мужем. Бес попутал, но хозяин стал навязчиво подступаться к юной горничной – то в тёмном углу дома подкарауливал и зажимал, то шептал при случае нескромные намёки, а один раз, застав девушку, заправлявшую постель в одной из детских комнат, обхватил её за талию и прижал к себе столь страстно, что сильно напугал бедняжку. Тогда Мэй решила покинуть белоснежный особняк от греха подальше и попросила расчёт у озадаченной и ничего не понимавшей хозяйки. Прознав об этом, господин Робиспаро пригрозил, что просто так не отпустит глупую гордячку, коей он считал Мэй. Потому как только неразумная девица могла упираться и надменно вертеть носом, в то время как смышлёная особа давно уступила бы хозяйскому вниманию и получала немало благ от порочной связи. Последним устрашающим аргументом раздосадованного потомка корсаров было твёрдое обещание разыскать девуш-

ку, где бы она ни попыталась скрыться. У него же связи, оно и понятно.

Неподалеку от материка простирался небольшой остров, который виден был с берега маленькой капелькой посреди серой ребристой воды. Проживало на том островке малочисленное поселение рыбаков да людей, уставших от жизни в Траэ и обретших покой в отрыве от городской суеты. Связь с материком не была порвана полностью, существовал паром, ходивший раз в день, и то в хорошую погоду, и доставлявший необходимые продукты и новости на остров, а иной раз и возвращавшийся в Траэ с пассажирами. Как правило, ранним утром судно отчаливало от городской пристани, а вечером возвращалось назад. На нём-то и собралась Мэй покинуть город и сбежать от алчных притязаний бывшего хозяина. Отец умер год назад от жестокой простуды, поэтому больше ничто не удерживало девушку в этом месте.

Поздней ночью, Мэй собрала все свои нехитрые пожитки, и, конечно же, книги, в свой вместительный жёлтый саквояж, предусмотрительно купленный ею заранее. Укутавшись в тёплый пуховый платок, она серой тенью проплыла по спящим улочкам городка до самого причала, где стала ожидать посадку на спасительный паром.

Бедная Мэй, чего только не натерпелась она до появления первых солнечных лучей. В каждом прибывавшем на пристань мужчине ей мерещилась знакомая хозяйская фигура, и когда, наконец, объявили посадку на долгожданный паром,

она с явным облегчением взошла по трапу на палубу и укрылась в салоне для пассажиров. Длилось путешествие три часа, и с каждой уходящей минутой девушка чувствовала себя все более свободной и счастливой. А когда она лёгкой, воздушной походкой ступила на островную землю, ей казалось, что здесь она обретёт покой и мир.

Остров был очень мал, а потому домов там было на пересчёт не шибко много. И так случилось, что свободной комнаты не нашлось для юной беглянки. Но Мэй не унывала, на другой стороне острова суровой и неприступной крепостью стоял женский монастырь, древний и вечный, как сам остров. Она надеялась, что там-то ей не откажут в милосердии и приюте.

Дорога не оказалась столь долгой, как предполагала прежде Мэй, и через час ближе к полудню беглянка была уже у каменных ворот. Она робко постучала в деревянную щербатую дверь, но никто не отозвался. Тогда она толкнула дверь вперёд, и та с жутким скрипом поддалась внутрь. Заглянув через порог, путница убедилась, что во дворе нет ни единой души и решила пройти до центрального входа в обитель, где намеревалась отыскать тех, кто здесь жил. По дорожке усыпанной мелкой морской галькой вперемешку с песком Мэй миновала аккуратный ухоженный садик с деревьями и клумбами, усаженными дивными цветами.

Поднявшись по каменным ступеням, облицованным массивными перилами из белого камня, Мэй оказалась перед

центральный входом, закрытым крепкой дверью и постучала снова, в ответ не раздалось ни звука. После определённых колебаний она всё же решилась проверить дверь, оказалось не заперто. В молчаливом вестибюле её встретили мягкий полумрак и влажная прохлада каменного помещения. Гостя озадачено смотрела вглубь темневшего пространства и негромко звала хозяев. Что-то сдерживало её от крика в полный голос. Возможно, причиной тому было её почтение или врожденная робкая деликатность, а может и естественный страх.

Когда Мэй решилась идти самостоятельно в недра обители в поисках кого-нибудь из монахинь, из глубин коридоров до гостыи по каменным стенам пробежал ветерок. От его касаний чуть слышно затрепетал настенный гобелен, силуэт которого был хорошо различим в дневных лучах, сочившихся в открытую дверь. Мэй вскрикнула от испуга, когда из ближайшей тени неожиданно проявилась монахиня – юная дева, безмолвная и серая, словно тень в своих одеждах цвета грязного тумана. Монахиня мило улыбнулась гостье и кивком головы подала знак следовать за ней.

В полной тишине Мэй шла за своей молчаливой провожатой, и лишь гулкий цокот от каблучков туфельек гостыи звонким треском рассыпался по мрачным и холодным коридорам монастыря. Монашка увлекала Мэй всё глубже и дальше в самое сердце таинственной обители, но девушке не было страшно, наоборот, покой улыбкой окрасил её усталое лицо.

Когда была преодолена последняя ступенька, ведущая в подвальное дно монастыря, девушки оказались перед невысокой потёртой дверью, обитой железным листом по краям. Что же таила сия дверь? Что она укрывала так глубоко и надёжно от людских глаз?

«Ничего не бойся, но, ни о чём и не спрашивай».

Голос монашки ожил сам по себе, но губы на лице её не размыкались.

«То, что увидишь, никому не говори; то, что получишь, никому не показывай. Следуй за мной, сестра».

Словно замедленный кадр немого кино, распахнулась та дверь, пролив на каменный пол тёплый приглушённый свет. Мэй вошла вслед за своей спутницей и подивилась: в зале просторном и светлом без окон, но с многочисленными горящими лампадками сидели за деревянными грубо сколоченными столами на длиннющих лавках девушки-монахини, склонившиеся над таинственными свитками и водившие по ним гусиными перьями, которые они время от времени обмакивали в чернильницы. Одежды их не отличались от прожатой гостыи, казалось, живая серая дымка обрамляла лавки, а перья сами скрипели по бумаге в полупрозрачных пальцах писцов.

«Следуй за мной».

Голос молчаливой монахини-спутницы подвёл Мэй к одному из столов, где пустовало два места по обе его стороны.

Гостыя тут же уселась на указанное место, а молчаливая

монахиня примостилась напротив неё. Пока Мэй тихонько дожидалась внимания к своей особе, молчунья, взяв чистый лист бумаги и обмакнув, как следует перо в чернильницу, принялась старательно выводить на пергаменте какие-то письма. Дивно было всё это пришлой девушке и непривычно, но так как и в необычном месте была она, то решила спокойно дожидаться окончания писчих работ.

Долго монашка писала, скребя белую поверхность бумаги заточенным пёрышком, и гостья уже стала впадать в транс и засыпать от шуршания многочисленным перьев по свиткам, заполнившего всё пространство залы. Голова её мерно раскачивалась и дергалась, а иной раз и резко опадала вперёд, не в силах более бороться со сном, сковывавшим тело и дух.

«Мэй! Мэй! Проснись, Мэй! Всё закончено».

Её разбудило ласковое и осторожное касание плеча чьей-то руки, и сон тут же покинул девушку. Та монахиня стояла пред нею и держала в руке свёрнутый трубочкой свиток, который протягивала гостье. Мэй, конечно, хотела тут же его раскрыть и прочесть, но молчунья не позволила такому случиться.

«Не открывай на острове. Только дома. И только со временем всё поймешь ты».

Приложив палец к губам, монахиня показала знак молчания и тайны девушке и начертала ей на ладони тем пером слово «Дом».

И стало понятно Мэй, что открыть тайну свитка она смо-

жет, только покинув обитель и вернувшись обратно домой в свой городок, куда возвращаться не было никакого желания. Так же поняла она и то, что в монастыре ей не место, слишком тихо и печально было там для юной и мечтательной девушки.

Грустно ей стало, и мысли серые накиннулись на неё, но монашка с доброй юной улыбкой взяла её руку в свои бледные пальцы и прижала к своей щеке. Тут же покой вернулся обратно, и гостя благодарно кивнула своей наставнице. Вместе поднялись они обратно и вернулись к той двери, где и произошла их встреча. Мэй в последний раз взглянула на монахиню и поклонилась ей, а та с безмолвной улыбкой, отступая назад, вошла в тень и растворилась в ней.

Уже вечерело, когда Мэй вернулась на пристань и стала ожидать паром, который утром доставил её на остров. К ней присоединилась одна пожилая дама, решившая скоротать время ожидания в беседе с молодой попутчицей. Разговорившись по душам, женщина поведала, что собиралась погостить у внучки в Траэ, которую очень любила и не видела около полугода. На расспросы, как сама девушка оказалась на острове, Мэй отделалась общими пространственными фразами и вскользь упомянула о монастыре и её обитателях.

Пожилая собеседница была очень удивлена и заявила, что монастырь был давно заброшен, а последней послушницей его была её сестра, но будучи в возрасте двадцати лет умерла от воспаления легких. И более никто не обитал за стенами

монастыря, никто.

Это известие напугало Мэй, и она уже подумала что, не приснилось ли ей всё это, не привиделось ли. Но свиток, лежавший поверх вещей в саквояже, был неопровержимым доказательством всего увиденного ею под каменными сводами обители.

Захотелось Мэй вновь взглянуть на содержимое свитка, но переборов соблазн вскрыть загадочное письмо, девушка благополучно вернулась на материк и остановилась в одном доме на окраине городка, сняв себе самую дальнюю и скромную комнатку.

Когда, наконец-то, обустроившись на новом месте и разложив все свои немногочисленные вещи, девушка добралась до свитка и осторожно развернула его при свете масляного светильника, то была весьма поражена. Каково же было её удивление, когда вместо букв, она различила на шероховатой поверхности странные закорючки и знаки, происхождения которых не ведала. Повертев письма так и эдак, она свернула свиток обратно и забросила в саквояж. Растерянность сменилась разочарованием и недоумением.

«Но она мне сказала, что дома я всё пойму. Это какая-то насмешка. Вся моя жизнь сплошная насмешка», – грустно размышляла Мэй.

Но долго причитать и досадовать девушка не могла, необходимо было срочно устраиваться на работу; накопленных ранее средств не хватило бы и до конца месяца на более чем

скромное существование, а на путешествие и подавно.

На счастье работа подвернулась довольно скоро, Мэй взяли в небольшой трактир посудомойкой, и её это вполне устроило. Она вошла в колею и стала забывать о своём странном приключении, но теперь её не покидала одна настойчивая мысль. Она хотела накопить достаточно денег, чтобы затем покинуть Траэ и уехать как можно дальше. Там, за горизонтом её ждали неизвестные города и соблазнительные земли, там всё было устроено иначе, чем в Траэ, там она могла стать той, кем мечтала быть в грезах. Эта мысль, крепко засевшая в голове и сердце, с каждым днём давала мощные корни. Благодаря этой мечте, девушка жила и работала с улыбкой и светилась так лучезарно, что никто не мог пройти мимо, и невольно не улыбнуться ей в ответ.

Но вот уж судьба – воистину злодейка! Бывший хозяин сумел-таки её отыскать спустя месяц. Забыла Мэй, что компания господина Робиспаро специализировалась в основе на алкогольной и табачной продукции. А кто мог быть одним из первых покупателей и компаньонов у такого бизнесмена? Конечно же, трактирщики. А так, как все хозяева тракторов в Траэ были в хороших отношениях с влиятельным предпринимателем и весьма дорожили его дружбой, то укрывать некую молодую особу, никто не собирался, опасаясь, и недаром, суровых последствий. Оно и понятно, в своём бизнесе, господин Робиспаро был беспощаден и кровожаден, как его предки корсары.

Вновь начались прежние домогательства и ухаживания. Чего только бывший хозяин не обещал и чем только не угрожал. В трактире нынешний хозяин уволил бедняжку без объяснения, от греха подальше. Деньги заканчивались, а по негласному приказу Робиспаро, девушку никуда не брали на работу под страхом расправы со стороны бизнесмена.

И тогда сломалась бедная Мэй, не устояла и уступила бывшему хозяину, став его тайной любовницей. Мечта не оставила её и не угасла, напротив, она разгоралась с каждым днем всё ярче и отчаяннее. Мэй украдкой копила необходимую сумму средств, щедро получаемых от влиятельного любовника.

Но прошёл месяц, за ним канули ещё три, дочь архивного библиотекаря и не заметила, как привыкла к позорной роли содержанки. Однажды прибираясь в своей комнатке, Мэй наткнулась на саквояж, затерявшийся с момента её заселения в эту комнату. Невольно заглянула она внутрь и обнаружила свиток, о котором напрочь позабыла. Странные чувства нахлынули, и смутные воспоминания закружились перед глазами.

Извлекла она свиток и раскрыла его. Странные и непонятные ранее значки и письмена на пергаменте теперь чудесным образом преобразовались в слова понятные глазу, правда, не все, а начальная их часть. С долей ужаса и изумлением вычитала Мэй в трансформировавшемся тексте о своём путешествии на остров и о возвращении в Траэ, а также о новой

работе и о греховной связи с бывшим хозяином. И всё было описано так подробно и до мелочей, что пугало своей точностью. От испуга выронила тогда девушка пергамент и заметалась по комнатке, обуянная отчаянием, стыдом и грустью. Вспомнила она о мечте, о далёких землях и городах и корила себя что есть мочи.

Когда ж она успокоилась, то снова подняла свиток и прочитала вновь. Понятный глазу текст обрывался на описании сидевшей в комнате Мэй и вчитывавшейся в текст, даже мысли её отражались на бумаге, проявлялись из знаков и рисунков. Но дальше своей сути письма не раскрыли.

«Время не пришло», – решила Мэй. – «Она мне тогда так и сказала, что только со временем всё пойму. Каждый мой шаг и слово, каждый день и час моей последующей жизни, всё здесь. В этом свитке. И открываться они будут только тогда, когда я проживу их. Вот, что она хотела мне сказать. Вот какой дар она мне сделала».

В загадочных знаках, что плотно покрывали поверхность бумаги, была сокрыта вся будущая жизнь той, для кого было написано послание в мёртвом монастыре. И раскрывались они постепенно, не спеша, год за годом, показывая каждый шаг и каждое действие, прожитое Мэй.

Она всё-таки уехала из того городка, поселившись далеко на юге. И господин Робиспаро не смог отыскать на этот раз и вернуть себе непокорную любовницу. Мэй встретила порядочного и хорошего парня, с которым и дожила до глу-

бокой старости. И было в её жизни полно радостей и горестей, приключений и покоя, и все они раскрылись со временем в загадочном свитке, который Мэй бережно хранила на дне потёртого и выцветшего от времени саквояжа.

Но после смерти в письме, написанном когда-то призрачной монахиней с далекого острова, осталась одна строчка, которую прочесть старой Мэй не довелось. Что же стояло за этой строчкой нераскрывшихся знаков? Что они таили в себе? Смерть? Или нечто большее?

Об этом уже должна была узнать другая Мэй.

Храня покой веков и лет
Монахинь стройный ряд,
Воссев за стол и дав обет,
Пером черкал сей знак.

Чужие судьбы в знаке том
В пергаменте живут.
И открываются потом,
Когда их проживут.

Не всякий может получить
Пергамент тайный тот,
А лишь обиженным вручит
Монашка свиток впрок.

Зачем сей щедростью дарить
Их кто-то научил?

.....
Тебе неинтересно жить?
Вот свиток. Ты просил.

РОКОВОЙ СВИТОК

Девушка поднималась по ступеням, отсчитывая каждую. Раз – самая пыльная, два – самая щербатая, три – с крошащимся краем, четыре – обсиженная голубьями, пять – облюбованная людьми, шесть – раскрашенная четырьмя золотыми кленовыми листьями, семь – чистая и пустая, восемь – пик Эвереста. Мраморный пьедестал и арка с массивной дубовой дверью.

За сумрачным проходом Марго ждало приключение и нутро тайны, которую в себе хранил старый городской музей археологии и истории.

Она обнаружила утром в почтовом ящике странный конверт без адресата с девственно чистой поверхностью без марок и штемпельных оттисков. Едва придя на работу, она вскрыла загадочное послание, которое возбудило её интерес до нешуточных высот. В недрах конверта покоился кусочек папируса, на котором красивым каллиграфическим почерком чёрными чернилами некто вывел следующее:

Уважаемая госпожа Маргарита!

Вы сегодня почётный гость в месте старых тайн, загадок истории, не развенчанных мифов и песков времени.

Добрый друг, вас ждут сегодня в 18:00 в самом интригующем месте города, а именно в достославном музее имени И.Л.Г.Ю.Шлимана.

Это не случайный выбор и не совпадение. Не ломайте голову, просто приходите.

P.S.: Вы найдёте больше, чем думаете.

Обычно Марго не принимала импульсивных решений, но это письмо стало исключением в чреде обдуманых и упорядоченных дел. Когда глаза добежали до последней точки, решение пойти было уже принято твердо.

И вот она внутри самого интригующего из общественных домов Старого Города, в храме, наполненном ребусов былых времён и чар магического, канувшего вглубь веков прошлого.

В огромном с высоченным потолком холле не оказалось ни души, вопреки ожиданиям Марго, хотя она только порадовалась сему факту, в конце рабочего дня ей меньше всего хотелось толкаться или случайно соприкоснуться с кем-либо и тем более отвечать на вопросы. А ведь её часто о чём-нибудь

спрашивали незнакомые люди, они прямо-таки обожали её засыпать всякой ерундой. Иногда девушке казалось, что её отметили невидимым крестиком для всех, кто не может найти правильную дорогу туда-то, для тех, кому позарез нужно узнать «который час» или на худой конец, просто поговорить о жизни. Всё это ужасно раздражало её. И чем больше её доставали эти ненужные ей вопросы, тем больше сыпалось их из рога изобилия.

Пройдя пустынный холл, и минуя гардероб с голыми вешалками, Марго поймала себя на мысли, что пытается уловить шум голосов в глубинах здания, потому что от непривычной пустоты в ней начало зарождаться неприятное беспокойство. Но тишина и не думала отступить. Напротив, она для пушного антуража выбрала сегодня себе в наперсники полумрак, который накрывал экспонаты серой вуалью. Единственными союзниками посетительницы были маленькие дежурные ночники-бра, они жёлтыми светляками выхватывали у темноты крупницы истории и помогали девушке не терять путь в длинной веренице галерей.

Мимо проплывали творения природы и рук людских, обрывки стародавних дел, упакованные и погруженные за стекло подальше от любопытных рук. Но всё это оставалось без внимания Марго, её начали терзать подозрения и небезосновательно. «Почему здесь нет ни единой души? Ни одного охранника, никого из персонала. И никого из посетителей нет, хотя в это время ещё должен работать музей. Но вход-

то не заперт!».

Пройдя ещё пару коротких залов, она пришла к неприятному выводу: «Это розыгрыш! Ну, конечно же, меня разыграли. Чтобы после работы я сюда пришла и, как дура последняя, шарахалась по пустым залам этого чёртова музея! Вот же блин! Но кому это нужно? И зачем? Да и как можно сделать так, чтобы здание было открыто, а никого из людей не было? Странно всё это. Надо выбираться, пока чего дурного не произошло».

И по памяти Марго пошла обратно к выходу, но тут произошло самое неожиданное: то ли память её подвела, то ли сумрак путал планы одинокой посетительницы, но залы путались и упорно не выпускали её, вынуждая тщетно петлять в лабиринте замысловатого устройства музея. Девушка предприняла несколько попыток позвать на помощь, но эхо её собственного голоса отбило желание на дальнейшие повторы. Слишком жуткие ответы возвращались к Марго из глубин здания, слишком мощные, слишком нечеловеческие, слишком морозящие кожу.

Она остановилась посреди очередного зала и, собрав всю свою смелость в кулак, решила не поддаваться разрастающейся панике, и, успокоившись, хорошенько напрячь память. Мозг запомнил дорогу, она была уверена, уж что-что, а на память ей грех было жаловаться. Голова вспомнит, обязательно выведет её за пределы этого мрачного места, надо только успокоиться.

Ну, да, конечно! Выход прорисовался чёткой белой полосой в мыслях девушки, она всё время совершала одну и ту же ошибку, сворачивая не туда. Теперь она выберется отсюда.

И вот тут её слуха коснулись два голоса, они полоснули её сознание острой бритвой, и ей впервые стало по-настоящему страшно. Она почувствовала всем обострённым естеством, что эти голоса несут опасность и лучше не стоять у них на пути. Возможно интонация голосов, а может то, о чём они шептались в отдалённом мраке музейных глубин, вмиг сковало изнутри Марго, ей хотелось бежать, сломя голову. Но в то же время некая тайна, что сквозила в этом чуждом шепотке, пригвоздила девушку к полу и принудила вслушиваться, подслушивая чужой разговор. Это были люди, никаких сомнений, но это были тёмные люди, с мрачным прошлым и бедовыми мыслями. И они пришли сюда, чтобы украсть нечто бесценное из недр музея.

– Он где-то здесь, совсем рядом, мы зашли не в тот зал, – злобно шипел мужской голос, срываясь на фальцет. – Говорил же тебе, надо было свернуть направо три зала назад, крестин!

– Иди в задницу, карта здания у тебя в руках. Это ты промазал. С бабами тоже так лажаешь? Мазила! – ядовито съязвил второй басистый голос; послышались звуки тычков и борьбы.

– Ещё так назовёшь меня, урод, и это станет последним, что ты ляпнешь! Закрой свой поганый рот, заткнись! Ты, ни-

щербод, если бы не я, ты давно бы уже гнил с перерезанной глоткой где-нибудь за окраинами Старого Города. Я тебя спас из той заварухи, вытащил и дал работу. Твое дело молчать и делать всё, что я скажу. – Снова последовал звук крепких ударов, после чего на минуту стало тихо.

Марго вновь вспомнила о выходе и устремилась было к нему, но разговор двух поделщиков вновь ожил и вернулся к первичной теме:

– Так, сейчас вернёмся назад и повернём направо, как на карте. Чёртов лабиринт! Идём. Свиток совсем рядом. – Шаги удалились.

«Надо бежать! Эти головорезы меня в живых не оставят, они меня убьют, как свидетеля. Блин! Как я здесь оказалась?».

Впопыхах Марго налетела на небольшой круглый столик, поверх которого высился стеклянный купол. Стол не выдержал напора посетительницы и упал, увлекая за собой купол, содержимое, что хранилось под ним, а заодно и неловкую девушку. Жуткий громopodobный грохот, казалось, наполнил все залы, и оглушил девушку, она с ужасом устремила взгляд в сторону соседнего зала, из которого доносились торопливые шаги, перешедшие в бег и сопровождаемые грязной бранью.

Ладонь Марго произвольно сомкнулась на каком-то подвернувшемся под руку свёртке. Девушка вскочила и из последних сил рванула вон из злополучного зала, скрываясь

в тених от преследования воров. Когда она уже практически достигла спасительного холла, позади раздался крик негодования, смоченный руганью, и жуткий топот четырёх ног нарастающий в сторону центрального выхода. Она была уверена, что воры её заметили и пытаются догнать, чтобы устранить только за то, что она их слышала.

Но вот холл позади, а за ним следом пролетели и злополучные восемь ступенек. Марго оглянулась на тёмный безжизненный вход-арку, и ей показалось, что в чернеющем зеве дверного проёма на неё смотрят бледные лица с горящими глазами. Ничто не мешало им догнать её и схватить, а потом и... Нет! Она так просто не сдастся! Отчаянный взмах руки и проезжавшее, так кстати, мимо такси остановилось к неимоверному облегчению девушки. Она мигом юркнула в его маленькое, но такое спасительное нутро, и машина тут же плавно отчалила, скрывая за поворотом музей с его тайнами. Теперь можно было вздохнуть и расслабиться.

Только теперь Марго обнаружила, что сжимала всё это время какой-то свёрток. Она с ужасом осознала, что это экспонат и наверняка очень дорогой, раз он хранился на отдельном столике, да ещё и под тяжелым стеклянным колпаком.

«Ничего, я его завтра верну обратно. Объясню всё в музее, они меня поймут».

Но поймут и поверят ли? Ведь воры скорей всего уже смылись с места преступления, а музейный реликт у неё, у Марго, и все подозрения падут сразу на неё. Снова внутри по-

холодело, но она решила, что переживаний с неё на сегодня хватит, достаточно уже того, что она выбралась живой из этого приключения, организованного ей неизвестно кем. Решено – завтра вернуть свёрток, а там видно будет. В конце концов, у неё имелось приглашение, как доказательство невиновности. Утро вечера мудренее.

Утро. Солнце пыталось прорваться сквозь плотно зашторенные окна и разбудить так сладко посапывавшую девушку, закопавшуюся в кокон одеяла и чему-то улыбающуюся во сне. Наконец, одному, самому нахальному солнечному лучу удалось-таки найти среди пёстрого рисунка постели розовеющее лицо, прятавшееся в тёплой тени.

Марго проснулась от прикосновения света, сон закончился внезапно и улетучился вместе с прошедшей ночью. Нехотя, она потянулась, но ещё решила понежиться в тепле такой родной, особенно утренними часами, кровати и продлить минуты роскоши. Потом вспомнила, что будни закончились и наступили сладкие часы выходных дней. Она улыбнулась назойливому лучу, что настырно звал её к окну и, пролежав ещё с десяток минут, всё-таки высвободилась из уютных объятий одеяла.

На кухне её заждалась старинная подруга-турка, в которую хозяйка незамедлительно кинула пару ложек молотого

кофе и залив водой, отправила на огонь. Чашка горячего кофе с пенкой и свежим пшеничным тостом, сдобренным клубничным джемом субботним утром. Ммм....

Она всегда не допивала кофе, неосознанно оставляя примерно треть кружки, а может специально, чтобы переместиться из кухни вместе с любимым напитком в свою комнату. Там, стоя у окна, можно было малюсенькими глотками-каплями смаковать чуть сладкую крепость чужестранных континентов, никуда не спешить и подсматривать за неудержимой жизнью из-под полы медной шторы.

Взгляд скользнул по комнате, утопавшей в солнечном свете утра, столько жизни не могли дать никакие электрические лампы. В солнечных отсветах всегда присутствует тепло, которого нет в электрическом свете. А свет без тепла лишь мёртвое свечение. Другое дело утренние рассветы и вечерние закаты. Это душевные излияния солнечного тепла.

И вот тут взгляд и размышления Марго споткнулись о свёрток, небрежно покоившийся на прикроватной тумбочке, ближе к стене. Она вспомнила вчерашний вечер, кошмар с ворами и холодок страха вновь вернулся к ней, замораживая комнату. Девушка заметалась по комнате, боясь и близко приблизиться к таинственному предмету, стоившему ей покоя.

А почему, собственно, она вчера не обратилась сразу в отделение полиции и не оставила там этот чёртов сверток? Испугалась? Чего? Или кого? А ведь и правда, Марго не мог-

ла понять, почему она откинула самое очевидное действие и убежала домой, спрятавшись ото всех и вся. Глупость какая! Конечно, глупость, как ещё можно назвать её действия вчера? Да глупо уже было идти в этот музей. Будь он не ладен десять тысяч раз!

«Ладно, сейчас соберусь и вернусь обратно в музей, всё им объясню, скажу, что испугалась до чёртиков этих двоих и поэтому сразу рванула домой, а про полицию забыла. Надеюсь, это прокатит. Но мне так хочется взглянуть, что там внутри!».

Этот серый и изрядно помятый свёрток тянул и манил её. Она решила, что хуже уже не будет и раз эта вещь лежит на тумбочке в её доме, то можно и удовлетворить любопытство, а заодно узнать, что же такого ценного охранял стеклянный купол на том столике.

Руки с осторожностью сапёра развернули тонкую поношенную временем тряпицу, коя служила оберегом таинственной вещицы, и в ладони Марго скатился папирусный свиток. В приоткрытое окно ворвалась холодная струя воздуха, оббив хозяйку комнаты вокруг шеи. Но она не обратила на это ни малейшего внимания, всё её любопытство сейчас было сфокусировано на скрученном чуде. На кухне мирно беседовал сам с собой включённый телевизор, девушка напрочь забыла о своём домашнем «приятеле». Именно он протрубил звучным голосом диктора, внезапно удесяттерив звук вещания. Слова долетали ударами колокола, размаши-

сто, чётко, забывая свои страхи.

—... музей имени Шлимана был ограблен вчера вечером, полиция не исключает, что воров могло быть несколько.... похищен редчайший экземпляр египетской культуры, а именно папирус, который покоился в гробнице фараона Имтимтеха. Об этом правителе в истории ничего неизвестно, его имя находилось в тени истории многие тысячелетия... это папирус – единственное доказательство существования неизвестного человечеству правителя... гробница не сохранила его тела, учёные предполагают, что все упоминания о правлении Имтимтеха, равно, как и его мумия, по неизвестным причинам были уничтожены последующими фараонами. От имени музея и общественности мы обращаемся ко всем, кто что-либо видел или слышал о данном инциденте... часть информации засекречена в интересах следствия... заведено уголовное дело по факту кражи....

Марго, заинтригованная услышанным, заглянула на кухню, как раз в тот момент, когда на мерцающем экране диктора сменил высокий, молодой седовласый мужчина с печальными глазами.

– Прошу, верните этот папирус, – обратился в камеру усталым голосом седой собеседник диктора. – Он представляет ценность для всего человечества, эту поистине неоценимую рукопись мы получили в прошлом квартале, и не все письма ещё удалось расшифровать. Папирус был завернут в ткань, в которой и был обнаружен. Взываю к разуму и со-

вести того человека, что совершил этот весьма необдуман-
ный поступок.

Марго стало жаль этого обесцвеченного волнениями муж-
чину, который так дорожил крупницей прошлого и стыдно от
того, что она вчера не пошла сразу в полицию.

– Скажите, что было написано на этом папирусе? Зрите-
лям будет интересно узнать, а возможно это поможет быст-
рее найти пропажу. – Диктор вновь мелькнул на экране.

– Там было пожелание вечной жизни фараону Имтимтеху,
восьмому по счёту из первой династии и предупреждение
каждому смертному, кто осмелится посягнуть на папирус.

– Это проклятие? – иронично и как-то пренебрежительно
осведомился диктор.

– В своём роде, да. Но это необычное предупреждение, –
голос седого мужчины задрожал в зловеще-торжественных
тонах. – Всякого, кто покусится на папирус в корыстных це-
лях, начнёт преследовать дух мести, пока ночь не сомкнёт
свои длани на горле несчастного и не закроет ему глаза на-
веки вечные. Это вольная интерпретация текста. Подробнее
мы не успели поработать над переводом.

Звук телевизора затих и вернулся в прежний режим, кар-
тинка телевизора сменилась другим репортажем, а Марго
была уже в комнате и с недоверием и опаской смотрела на
сухой папирус, зловеще лежавший на неубранной кровати.

«Чушь какая! Проклятие! Пережитки суеверий и не бо-
лее того. Тем паче, что я не в Египте и всё это было давно и

неправда. Я же дотронулась, держала его в руках и ничего. Пустяки. Посмотрю, что там и отвезу в музей на радость тому грустному седовласу».

Девушка бережно взяла хрупкий свиток и медленно, боясь навредить старинному письму, развернула папирус, направив солнечный свет на загадочные письмена. Иероглифы поражали изяществом и утонченностью линий, эти изображения, нанесённые так давно, что и не верилось, лежали на ладонях той, чья жизнь до вчерашнего дня текла по запрограммированному расписанию, не ведая ничего экстра неординарного и не предвидя никаких значительных изменений. Но вот оно, то самое, чего обычно не ожидаешь и к чему совершенно не была подготовлена. Пальцы Марго благоговейно прошлись по поверхности письма и, замкнувшись на растрескавшихся краях, невольно ласкали шершавую поверхность.

Но сила стала уходить из её рук, ослабляя хватку, папирус выпал и приземлился на кровать, а вслед за ним осела девушка, теряя последние остатки реальности. Когда голова коснулась одеяла, глубокий сон завладел целиком ею, она так и уснула, поперёк кровати, уткнувшись лицом в цветочный хлопок, а рядом лежал развёрнутый свиток.

Еле-еле удалось Марго разомкнуть веки и покинуть чре-

ду странных, вязких и мрачных снов. В комнате было темно и тихо, сквозь зашторенные занавески теперь вместо солнца прорывался свет уличных фонарей. С трудом повернув затекшую шею в сторону круглых настенных часов с римскими цифрами, девушка обнаружила, что стрелки уже отсекли день её жизни и шагали в глубокую ночь. Было без пяти минут одиннадцать.

«Как такое могло произойти? Я же выпалась и чувствовала себя превосходно. Как я могла проспать более двенадцати часов?!».

В сумрачных тенях ночной комнаты, глаза выхватили роковой папирус, так никуда и не исчезнувший, а преспокойно лежавший совсем близко от лица Марго. Она шарахнулась от него, как от чумного и свалилась с кровати, болезненно ударившись локтем.

Смутно она вспомнила, что ей снились сумбурные и непохожие друг на друга сны, как короткометражки в кино, только по ним, как по ткани шла одна невидимая нить – призрачный голос, который вгонял в панику и парализовал девушку словами: «Скоро», «Возмездие» и «Не уйди». Да-да, что-то типа того. И произносилось это в навязчивой последовательности и с различной интонацией, то шипящим шёпотком, так похожим на тот, что она слышала в музее, то громогласным басом, удесятерённым и взрывающим стены сознания. Что за чертовщина?

Уже поздно идти в полицию и тем более в музей. Значит,

завтра утром, не откладывая в долгий ящик, она отправится в музей и избавится наконец-то от этой реликвии, столь скверно повлиявшей на её нервы и долгожданные выходные. Но прежде, хоть было и поздно вато, хотелось выпить горячего кофе и подкрепиться, голод нарастал семимильными шагами.

Марго так и не прикоснулась к свитку, оставив его лежать на том же месте. Она зашагала на кухню, где её заждались любимый холодильник, турка и плита. Но, открыв дверцу синего холодильника, она отшатнулась и зажала рукой нос: все продукты, что были внутри, стухли, почернели и покрылись внушительным наростом чёрно-зелёной плесени. А вонь гниения разила с ног! Дверца тут же была возвращена в обратное положение. Кофе и чай тоже попить не удалось – стол и пол кухни были устланы коричневым налётом любимых напитков. Воды в кране не было, питьевая вода, что была в бутылке, магическим образом испарилась. Ужин отменялся.

Но кто или что это натворило? Как свежие продукты могли так быстро испортиться, даже, если представить, что квартира была целый день без электричества? И кто разбросал кофе и чай по кухне, кто вылил воду из бутылок? Все окна были закрыты, а входная дверь заперта, Марго сразу же проверила её. Лунатизмом девушка не грешила и эти странные события, выходящие за рамки её логического понимания, очень напугали и потрясли её. Она захотела срочно на

свежий воздух, пройтись, заглянуть в ночное кафе и успокоится чашкой кофе, чтобы знать, что мир всё ещё прежний.

Но не тут-то было. Дверь заклинило, а ключ, что упорно не хотел проворачиваться в замке, чтобы дать свободу хозяйке, внезапно сломался пополам, оставив в скважине свой ребристый хвост. И вот тут паника ухватила Марго за плечи, затрясла крупной дрожью, и прошлась по всему телу мурашками. Теперь было очевидно, что что-то не так было в квартире, и это что-то брало начало в спальне, на кровати, в полумраке ночных теней.

На кухне и в спальне внезапно распахнулись окна, дав сильному порыву морозного ветра ворваться в дом и позволить ему срывать с тумб, столов и шкафчиков лёгкие вещи. В дом ворвался ворох осенних листьев и несколько из них неприятно шлёпнули по лицу Марго, когда она в спешке закрывала окно на кухне. В спальню она не спешила, она чувствовала, что теперь она дома не одна.

Но её тело сопротивлялось благоразумию головы, оно будто марионетка, подчинялось властному тону невидимых нитей, которые подталкивали хозяйку всё ближе и ближе к тёмному зеву комнаты. Коридор, который был от силы метра три и вмещал лишь старый платяной шкаф да тумбу для обуви с громоздившимся на стене округлым зеркалом, по чьей-то лихой воле удесятерился и казался бескрайним, ведь конец его венчала ночная спальня с распахнутой настежь дверью.

Ветер вновь распахнул окно за спиной Марго, но она не

обернулась, вместе с промозглым холодом в дом ворвался жуткий и леденящий голос, который коснулся ушей и щёк девушки, оставляя на коже мурашки и серебря инеем ресницы.

– Ты заплатишь, смертная! Ты заплатишь за осквернение! Ты заплатишь за покой владыки! Ты умрёшь! Да будет проклята Твоя душа!

Марго стояла на пороге своей некогда уютной и любимой спальни, только сейчас там не было уюта и надёжности, оттуда реяло смертью и удушающим страхом. Свиток излучал нестерпимый свет, казалось, что он горит, что пламя вырывается из недр его и тот час же перекинется на кровать, чтобы пожрать её, а затем и всё на свете.

Невидимые пальцы сомкнулись на шее девушки и стали сжиматься, обещая близкий конец. Марго тянулась к свитку из последних сил, она почему-то была уверена, что стоит лишь коснуться этого проклятого папируса и тиски на шее ослабнут, тогда появится шанс, ничтожно малый, но появится. Когда воздух прекратил поступать в горло, а позвонки шеи угрожающе захрустели, именно тогда кончиками пальцев девушке удалось дотянуться до края полыхавшего папируса и дотронуться. Свет тут же погас, а сила, что сдавливала шею, вмиг отступила. Получалось, что свиток был одновременно проклятием и спасением Марго. Но надолго ли?

А голос невидимого стража папируса кружил совсем рядом, им наполнился дом, цветы зачахли, остальные жильцы

не слышали того, что происходило в квартирке Марго, но чувствовали себя крайне неуютно и испытывали подавленность вкупе с неясной обеспокоенностью. Животные в доме посходили с ума, собаки и кошки шипели, рвали дверную обшивку и громким лаем или мяуканьем требовали немедленно выпустить их из квартирных ловушек на улицу, где они могли со всех ног убежать подальше от зловещего места.

– Смертная, ты умрёшь! Ты, поправшая тайну жизни и смерти! – голос сотрясал маленькую квартирку. *– Осквернитель понесёт кару и возмездие фараона! Да свершится правосудие Осириса! Да наступит суд справедливейшего Анубиса! Смерть пришла за тобой, о, смертная!*

Марго устремила лицо к распахнутому настежь окну и закричала, что есть сил и мочи, вкладывая в каждый звук своего голоса мольбу к невидимому убийце:

– Я не крада этот свиток! Это ошибка! Воры хотели завладеть им! Я им помешала! Я пойду в музей и отдам этот папирус! Он мне не нужен вовсе! Пожалуйста, услышь меня! Я не вор! Как же мне остановить всё это?! Услышь меня! Я невиновна!

Слёзы текли по лицу и капали на сухую поверхность письма, но не оставляли и крошечного следа на папирусе, чудесным образом впитываясь в него, как в губку. Свиток вновь озарился сиянием, но это был свет иного рода, не опалывающий, а мерно струившийся, словно солнечная вода, на заплаканное лицо Марго. Ветер тут же стих, бешено метавшиеся

занавески опали, а воздух из наэлектризованного вновь стал прежним. Что-то ушло из маленькой квартиры, и девушка это почувствовала, так же, как и древний папирус почувствовал в её слезах правду и чистоту помыслов.

Она осторожно свернула и обернула старинный свиток в ту самую тряпицу, и, не мешкая, отправилась в музей. И не удивилась, когда её встретили в холле за арочным входом. Свиток вновь вернулся на тот самый стол и был накрыт новым колпаком. Марго горячо поблагодарили за сохранность и возвращение музейного экспоната, чему она удивилась. Про воров полиции уже было известно, оказалось, что видеокамеры на входе зафиксировали двух мужчин, подозрительно ведших себя, остальные камеры внутреннего наблюдения были отключены, скорее всего, теми же типами.

Также Марго узнала, что свиток специально содержался в той старой тряпице для пущей сохранности, а также потому, что хоть работники музея и люди науки, но всё-таки они остаются людьми с глубоко затаёнными суевериями и верой в тайну, которую постичь не всегда дано, да и не всегда нужно. Не во все дела следует совать свой любопытный нос. Порой достаточно просто лицезреть и знать. Но вот кто послал приглашение в музей Марго, и почему не было никого из персонала в момент кражи, осталось загадкой, как для девушки, так и для директора музея.

– Мои люди по каким-то странным причинам не могут воспроизвести в памяти события своей жизни именно за тот

отрезок времени, когда произошла эта тёмная история. Все они, диковинным образом оказались у себя в домах, не имея представления, как там оказались, – упомянул в частной беседе с Марго тот самый седовласый господин, оказавшийся директором музея. – А это приглашение, госпожа, вам, несомненно, послали тайные силы, которые именно вас выбрали в тот день, для того, чтобы вы упредили попытку тех негодяев осквернить древний папирус. Кто знает, вору ведь могли ему повредить или продать в нечистые руки.

– Вы даже не представляете, что бы им досталось в расплату, – без улыбки ответила Марго, убирая за ухо посеребрённую прядь. – Деньгам они, точно бы не успели порадоваться. И жизни тоже.

КОГДА ЗЛО ПОБЕДИЛО

Добро всегда побеждает зло. Вы серьёзно? Оглянитесь вокруг. Если бы добро *всегда* побеждало, то ничего *этого* вокруг вас не было.

Всё дело в том, что вы неправильно толкуете само понятие зла. Вам от рождения навязали стереотипы добра и зла, как простые и ясные картины. Но дело-то всё в том, что у белого и чёрного миллиарды оттенков, а если их смешать с остальными красками....

Пришло время услышать вам правду из уст того, кого клеймили калёным железом и изгоняли из тел несчастных

смертных на протяжении многих веков. Наступила моя эра – эпоха свободомыслия и возвращения к природе, память наконец-то проснулась в вас, и теперь вы способны и готовы меня выслушать, чтобы понять и принять.

Мой старший брат постоянно называет меня романтиком, будто это нечто расточительное и постыдное. Ему, в принципе, во всех вещах видится постыдное и непотребное, то, что может запятнать белое. Он чопорен до мелочей во всём: в действиях, в словах и уж более всего в мыслях. Как он улыбается, когда очередная «овца» попадает в его «стадо»! Его улыбке позавидовал бы Джек-Потрошитель или Дракула. Хотя это не его персонажи, а скорее мои.

Я люблю братца всем сердцем, оно у меня больше, чем он думает, но его занудность меня повергает в сон. Я терпеть не могу его высокомерие и стремление *всегда и во всём* быть выше меня, во что бы то ни стало. Как же, я же женщина! А какой уважающий себя джентльмен позволит даме стоять на одной ступени с ним или, что ещё хуже, на ступень выше? Кстати, соперничество и конкуренцию мужскому сообществу подарил именно мой брат. Он гордится этим качеством в своих отпрысках, хотя по мне, так это не более, чем инфекция, случайно занесенная в организм при погружении души в новое тело. Всё чаще эта зараза достается и женщинам, превращая их в хитрейших и опаснейших особей.

Я не феминистка. Увольте! Равенство не по мне, но и по-

стоянное возвеличивание мужского достоинства мне надое-
ло. Естественно, женщина *всегда* была и будет лучше муж-
чины во всех вопросах. Но я, в отличие от моего недалёкого
брата, вложила каждой женской единице особую мудрость:
сила в слабости. И с гордостью могу сказать, что мой дар ис-
пользуется по назначению. Правда, с концентрацией остают-
ся проблемы, но это уже не моя головная боль.

Брату мнится, что мы с ним в постоянной борьбе. Он да-
же умудрился весь мир в этом убедить. И ведь как ловко!
Добро борется со злом, Бог с Дьяволом. Постойте-ка, но ведь
я женщина! Какой к лешему дьявол-мужчина? Меня везде
линчуют, проклинают, плюются в моё имя, но, как в мужское
воплощение. Раньше меня это злило, раздражало до чёрти-
ков. Теперь мне стало всё равно. Делайте, что хотите. Вы и
сами скоро станете одного пола, исполнив, между прочим,
заветную мечту своего Бога. Он не мог смириться, что у него
сестра, а не брат, поэтому навязал всему свету *свою* исто-
рию, где Дьявол – мужчина, причем отвратительный, урод-
ливый шизофреник. Это возмутительно! Я женщина, краси-
вая, ослепительная и вечно молодая, чего не скажешь о мо-
ем брате-пуританине. Он так и не смог одолеть воздействие
времени, а я открыла тайну философского камня и благода-
ря тому, имею приличный запас отменного красного вина,
смешанного с эликсиром молодости. Если бы брат был не так
высокомерен и горделив (а ведь гордыня – это грех! как он
сам талдычит вам из своих потрёпанных книжек), то я бы

поделилась с ним эликсиром. А может и не поделилась.

Его главная мысль: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Да не работает эта установка, хоть убейся! Я ему говорила миллион миллионов раз, что бессмысленно настраивать людей на этот парадоксальный посыл. Он же сам вложил в них гордыню, стремление быть первым, брезгливость; бесполезно требовать то, что противоречит заложенному до рождения. Это всё равно, что махать перед голодной псиной сочным окороком и требовать исполнения команды, когда у неё в голове только один единственный сигнал – жрать.

А свобода воли? Он поведал вам о ней и тут же наложил на вас кучу догм и запретов, чтоб вы не могли воспользоваться этим самым выбором. Порой мне кажется, что мой брат, куда больший психопат и живодёр, чем те создания, которые приписываются деяниям моих рук.

Эти злые гении, короли-узурпаторы и королевы-тираны, маньяки, фанатики и убийцы – я их подбираю, когда они ломаются и предстают перед вами, пропитанные страхами и кровью жертв. Они все невинны от рождения, все под *его* благодатью и светом, но парадокс свободы выбора и любви к ближнему вкупе с гневом и гордыней, а также, завистью и алчностью, подаренными моим замечательным братиком, сводят с ума бедолаг. От них отрекаются близкие и друзья, их линчуют и казнят, сжигают и проводят дурацкие обряды экзорцизма, но по сути своей это всё те же чистые люди, потерявшиеся в вере моего старшего брата.

Я никому не навязываю воли своей, не учу уму разуму, я принимаю вас всех такими, какие вы есть, испорченными или благостными. Мне всё равно, кто вы – правители или управляемые, для меня воистину все равны и бесценны. И не потому, что мне нужна ваша душа. Оставьте её себе или отдайте моему брату, он собирает коллекцию, у него уже весь дом забит колбами с душами всех мастей. Я не собиратель и не торговец, я всего лишь та, кто наблюдает за вами, переживает за вас и восторгается вами, печалится о вас и частенько гуляет среди вас.

А вы никогда не задавались вопросом, почему Дьявола так упорно изображают в виде большого козла, а его подручных бесов с козлиными чертами? Всё очень просто. Если учесть, что вся любимая паства моего брата обозначена, как агнцы, что пасутся в благочестивом стаде, то вам должно знать, что проще простого управлять и повелевать овцами, как тупыми и упёртыми существами, среди которых, как раз и выявляются фанатики, которых я терпеть не могу. А коза, к вашему сведению, зверь с мозгами и характером, правда не менее упрямая, чем овца, но понять, что к чему может. Козы, между прочим, могут пасти овец и охранять не хуже собак. Вот отчего я ношу в вашем сознании изящные витиеватые рожки. Не потому что ими буду вас бодать или пугать, а в виде символа мудрости и *терпения*. Это я терпима к вам и вашим страстям, а не мой брат. Он очень похож на свои создания, та же вспыльчивость, заносчивость и вера в свою непогре-

шимость.

Вкусы у нас расходятся абсолютно во всём, и, в первую очередь, в домах. У брата хороший добротный дом из дуба, я его называю особняком. Но не из-за колоссальных размеров, дом не так велик, хотя имеет пару этажей и чердак. Всё оттого, что это жилище стоит обособлено от открытых пространств. Домик братца спрятан в самой глубине лесной чащи, такой непроходимой с тайными еле уловимыми тропками, что только я, пожалуй, и могу его отыскать. Там мой братец медитирует и общается лишь с птицами да с диким зверьём, которое его не трогает, а внимает ему с поразительным смирением.

Я всегда поражалась тому, как он влияет на всю эту живность. У него какие-то способности вроде фокусника-гипнотизёра, всем он являет чудеса и благодать, и несчастные создания, попадают на его удочку снова и снова. А я не стремлюсь к этой фанатичной любви, да и не получится этого у меня, брат зомбирует всё живое, до чего коснётся, и внушает подсознательно ко мне ненависть и страх, помещая в каждого этакий маячок, который срабатывает при моём приближении. Вот почему вы так шарахаетесь от меня, не отдавая себе в этом отчёт, маячок внутри вас, как сигнализация от моего братика.

В отличие от него, я терпеть не могу замкнутых пространств. У меня много домов, за что брат меня часто осуждает и обвиняет в алчности, и это вызывает во мне неизмен-

ный смех. Уж кому-кому, а мне алчность не знакома, в отличие от моего брата. У меня есть тихий маленький домик из бамбуковых стеблей на берегу океана, где я обожаю проводить вечера и рассветы, когда грусть накидывает на меня свою серую шаль. В мощных массивах трансильванских гор я уединяюсь в своём не менее громадном замке, там я провожу осень, горы *всегда* побуждают к размышлениям. Целая россыпь хором из дерева и кирпича раскинута мною по равнинам, степям вдоль извилистых и журчащих рек. Во всех них я успеваю бывать за год, в каждом моём доме есть на что посмотреть и о чём подумать. И в каждом доме я рада гостям, которых у меня всегда в избытке. В отличие от брата-отшельника, я общаюсь не только с животными, но и с людьми, по-человечески, но не ханжески. За это брат меня тоже осуждает, ведь мы же *боги*, нам должно наставлять людской род на путь истинный, а самим не уподобляться человеческой простоте.

Что ж, я всегда была белой вороной в нашей семье. Не спрашивайте, кто были наши родители, поверьте, вам лучше не знать, кто был матерью и отцом Добру и Злу. Если честно, то ни я, ни мой старший брат не стали отрадой и гордостью своих предков. Напротив, мы оба впали в немилость и были сосланы на вашу Землю, дабы не попадаться на глаза родительские. Печально, грустно, но мы с братом это проглотили и переварили. Такова судьба многих и не только богов.

А брат, как бы он не хорохорился и не важничал, ча-

стенка навевается в мои дома, ему временами становится скучно среди людей и животных в лесу, хоть он и не признаёт это. Я всегда рада принять его, ведь кроме него у меня никого нет в целом свете и тьме...

Я могу с лёгкостью проникнуть в ваши сокровенные мысли, так, тихонько, вы и не обнаружите меня в себе. Мешать вам я не буду, мне это ни к чему. Я лишь обожаю наблюдать. Брат обвиняет меня в подсматривании и слежкой за вами, но сам-то он проделывает подобное, правда, оправдывает себя тем, что оберегает вас таким образом. Мой лукавый братец. Я же вижу, как он шепчет вам свои догматы, отворачивая от *непристойности*. Мне же достаточно знать и чувствовать вас, я живу среди ваших дум и замыслов, и радуюсь каждому вашему шагу вопреки наветам моего брата.

Он не любит слово «соблазн», винит его в крушении империй и гибели людей, и, естественно, вы понимаете, кому принадлежит это слово. Кому же, как не мне. Да, есть у меня слабость такого рода, не могу устоять перед тем, чтобы не запудрить мозг какому-нибудь бедолаге, вроде монаха-отшельника, или склонить к *греху* любовников, что сомневаются и сдерживаются до последнего. Эти люди не грешат, поверьте мне. Грех – это не радость жизни. Любить и радоваться всему, что можешь потрогать и вкусить, что можешь ощутить каждой частичкой тела и узреть, разве это грех? Большим грехом были войны ради мнимых призывов религии, убийства из-за куска помеченной символом веры тряпки.

ки. Я *никогда* не внушала людям стремление убивать. Я против насилия и кровопускания. Убийцы, маньяки, психопаты – это исковерканные души, которые я не в силах исцелить или удержать от зла. Забавно это слышать от истинного зла, не так ли?

А сказки? Каждая имеет счастливый конец для доброго героя и обязательно печальный – для злодея. Но если бы всё было наоборот? Если бы зло побеждало? Хоть один раз? Я уверена, что каждый из вас хоть раз, но задавался таким вопросом, и в тайне даже лелеял об этом. Вы можете это отвергать, но я-то слишком хорошо знаю ваши мысли и тайны. Согласитесь, что хорошие персонажи быстро надоедают, становясь занудными со своими положительными посылами, они даже выглядят все на одно лицо и какие-то все бесцветные. Но злые, они другое дело. В них харизма, яркие и сочные оттенки ночи; у них, как правило, блестящий ум и превосходная интуиция, и почти все они наделены магическими способностями, в то время, как хорошие герои слабы и ищут помощи у кого угодно. И каждый раз по негласному закону злодеев останавливают от осуществления заветной мечты в полушаге, что обидно. Думаю, любому из вас было бы досадно, если бы вам не дали дойти до исполнения заветного желания, когда оставалось бы лишь протянуть руку и сделать шаг. Признайтесь, вы каждый раз сочувствуете этим злодеям-неудачникам, и тайно желаете им удачи в следующий раз.

Я обожаю сказки в любом изложении, будь то легенды,

былины, баллады или незамысловатые песни. Я с уважением отношусь к любому проявлению творчества, более того, я покровительствую всем, кто мыслит неординарно и у кого в глазах радуга. Вот только, как я уже упоминала, концовочки сказок мне не всегда по душе. А так, как я по совместительству являюсь Музой, то не обделена собственной фантазией и могу домыслить конец любой сказки по-своему.

Например, всеми любимая, заезженная до дыр и крови «Красная Шапочка». Честно, Волк мне кажется единственным достойным персонажем и в реальности он бы расправился с бабушкой, её внучкой-дурочкой, а также, наверняка, загрыз бы и тех незадачливых охотников с низким потенциалом ума. Согласитесь, эта история должна была закончиться полноправной победой Волка над людьми. В этом нет ничего жестокого, в этом жизнь. И такие прецеденты имели место быть, да и сейчас происходят в отдаленных от городов местах. У меня сложилось впечатление, что в большинстве сказок дураки либо везунчики, либо имеют мощного покровителя, задавшего целью расплодить и распространить ту-поумие по всему миру.

А Спящая Красавица? Она учит в первую очередь тому, что от судьбы не уйдёшь. Но во всём же виновата колдунья, а не горделивые родители-снобы. Заранее можно угадать, не читая дальше сказку, что ведьма поплатится за свои чары. Ведь зло должно быть наказано.

А к чему это я? Да хотя бы к тому, что с малолетства детей

учат, что добро *всегда* побеждает зло, что плохие дела наказуемы. А в реалии как? Как за пределами сказочного повествования? В жизни зло чаще имеет силу и одерживает верх над добром. И представьте, что происходит с наивным ребёнком, наученным сказками о силе добра, когда он сталкивается с истиной? Правильно, он либо становится блаженным дурачком, отвергающим правду, либо озлобляется и теряет ясность ума. Нередко из-за такого душевного разлада и рождаются в очерствелых детских душах психопаты и убийцы.

Я много раз беседовала с братом по этому поводу и просила его позволить мне изменить концовки хотя бы нескольких сказок, но он не преклонен. Брат считает, что дети должны видеть светлое в сказках, учиться по ним добру и нести его людям. Но на практике то, выходит это у немногих.

А знаете, кто мой самый любимый персонаж в сказках? Ведьмы и волшебницы. Эти чаровницы обладают прямой связью с природой, чтут её и оберегают. Они хороши собой, хоть в сказках их изображают безобразными и злыми старухами. Это сделано с одной целью, дабы дети не соблазнились красотой магии этих женщин. Очень редко встретишь в сказаниях добрую волшебницу, как правило, сказки изобилуют жуткими обязательно старыми и одинокими женщинами, которые платят жизнью за свои магические силы. А ведь любая ведьма, прежде всего защитница всего живого. Вам об этом не говорили? В сказках колдуньи крадут невинных младен-

цев и маленьких детей, чтобы их съесть, или губят наивных девушек и обманывают недалеких юношей. Но ведь всё не так! Да, признаю, есть подобные женщины, но их ничтожно мало. В большинстве, это милые и веселые создания. Это мои дочери, если не больше. Их очернили, помазали кровью и дёгтем, клеймили раскалённым железом и сжигали на кострах по призыву моего же любимого брата.

Ну не признает он магии в целом! Нет, для своей особы, естественно, магия необходима и прилична сану бога. Но чтобы людям! Вот в чём мы ещё спорим. Я считаю, что магия во всём, что дышит, растёт и цветёт. Нельзя её запирасть и усыплять. Это жестоко и нечестно. Но брат утверждает, что волшебства достойны только мы с ним, что это расточительство, если каждый смертный сможет владеть тайнами природы и лезть в них.

Так-то так, но без магии мир потухнет, как костер без огня. Сама жизнь есть магия, великая тайна мироздания. Даже мы с братом не до конца знаем её суть. Потому что знать смысл жизни и причину её нельзя никому. Ни Добру, ни Злу. Но я рада, что в мире есть чудаки и смельчаки, которые бросают вызов нам с братом, они тем самым оказывают мне и, в первую очередь, моему братцу огромную услугу. Они восхищают меня своей отвагой и любознательностью, и конечно, любовью к жизни. Они ближе ко мне, чем к моему брату потому, что отрекаются от самобичевания и ограничений, они способны познать вкус жизни и смерти больше и выше

других. И они достигают нереальных высот, почти касаясь нас руками.

Вы знаете все сказки, вы прочитали все умные книги, вы понимаете смысл в жизни. Так ответьте себе по существу: когда Зло победило и *что* для Вас Зло?

КОНТАКТ

Говорят, на характер, поведение и жизнь человека влияет его имя. Но куда большее значение и вес несёт в себе фамилия, полученная при рождении. Порой она наделяет своего носителя теми качествами, которые в ней заключены, хорошие ли они или плохие. Вот почему многие с поспешностью и лёгкостью меняют фамилии, в надежде избавиться от злого рока или ненужных свойств. Но эти бедолаги и понятия не имеют, что их новые фамилии служат лишь красивой и благодушной ширмой, за которой всё также живёт и дышит их первая фамилия, выжидающая часа расплаты за предательство.

Потому как нельзя предавать свою сущность. А что есть фамилия, полученная с рождения, как не истинная родная суть?

Пятничным октябрьским утром в Издательском Доме «Изнанка Жизни» всё начиналось как обычно – суета одних будоражила и будила других. Новостные колонки, под-

писанные в печать накануне, горячие репортажи и животрепещущие интервью, а также бюджетные вопросы – всё требовало срочного и пристального внимания редакции и начальства. ИЖ, как сокращённо и по-свойски называли журнал сотрудники, представлял собой едкую, гремучую и шокирующую смесь информации, носящей в основном политический и экономический характер. Хотя в нём всё же имелась парочка колонок светских хроник, ведь люди остаются людьми и ничто житейское им не чуждо, а значит любопытно.

Как и остальные издательские дома, ИЖ состоял из «хищников» и «травоядных» личностей. Из цепких и алчных до сенсаций журналистов, получались превосходные добытки, а из остального трудолюбивого персонала, как правило, порядочные исполнители. Хотя, исключения всегда имеют место быть, и среди журналистов попадаются «травоядные», а среди низового персонала – «хищники».

Но у ИЖ была своя определённая особенность, связанная с людьми, которые там работали. Дело в том, что по какому-то негласному закону, а возможно просто по случайной закономерности в издательский дом годами подбирались сотрудники с не совсем простыми фамилиями. Причем зачастую характер фамилий этих людей каким-то странным образом соответствовал их носителям.

Генеральным директором ИЖ вот уже шесть лет была Елена Злобина, высушенная диетами и жёстким рабочим

графиком, высокая шатенка средних лет и редкостная стерва, хотя на подобном месте держаться столько лет смог бы только человек с подобным характером. И будь она Ниной Безкровной, то и за десять лет не поднялась бы выше должности уборщицы.

Заместителем директора ИЖ полгода назад была назначена Анжела Лис – молодая, миниатюрная, но очень вёрткая, пронирливая девица с короткой рыжей стрижкой, огненными круглыми глазками и опасной улыбкой.

Яков Фауст, главный редактор, а также царь и бог для своих подчиненных, мужчина спокойных сорока лет, но с богатым и ценным опытом, частенько принимал горячие удары сверху, переводя их в рациональные решения и разумные действия для младших сотрудников.

Но главными звёздами издательства всегда были и будут специальные корреспонденты, смело направляющиеся в по заданию начальства в тёмные и горячие точки сфер жизни. Таких негласно в ИЖ называли «изнаночниками», им завидовали, ими восхищались, и о них не переставали судачить. Самыми блестящими и неоднозначными из «изнаночников» были Яна Шило и Анатолий Цап, они работали когда-то в паре, но с тех пор много чего утекло, и теперь они были «звёздами-одиночками». Оба были яркими красавцами: она, как и полагается, длинноногая худощавая брюнетка лет двадцати пяти с прямыми до плеч волосами, он стройный широкоплечий блондин тридцати лет, на полголовы возвышавшийся

над бывшей партнёршей. Сплетники утверждали, что этих обоих связывали в прошлом не только рабочие репортажи, но на глазах у людей корреспонденты держались дружелюбно и не более того.

Директор по рекламе Людмила Лазер и директор по маркетингу и пиару Олег Клещ в отличие от коллег корреспондентов, не имели столь явной популярности и яркой внешности, но зато в кругах рекламы и пиара эта парочка давно зарекомендовала себя, если не акулами, то тиграми уж точно.

Но по негласным законам бизнеса, каков бы он не был, самым важным и самым ответственным человеком в любой организации всегда является главный бухгалтер. И Александр Богач знал об этом прекрасно, благо занимал эту важную должность почти десять лет. Этот высокий крупный мужчина среднего возраста с восточными чертами лица, обладал превосходной памятью и феноменально управлял бухгалтерией, постоянно поражая и восхищая подчиненных своими умственными талантами.

Нечто необычное сотрудники ИЖ замечали и за начальником отдела координации печати. Юрий Голодный лично следил за выполнением и соблюдением всех норм и указаний, за спиной его прозывали «Кошчем» за слишком худое телосложение, голубовато-белый цвет кожи и алчно-чёрные глаза.

И, конечно, куда без секретарей. У директора по распро-

странению, Ильи Тарана, секретарем-референтом работала маленькая, но расторопная девица лет двадцати трёх, весьма способная, но, увы, болтливая. Звали её Валентина Сорокина. Если в издательстве появлялась свежая сплетня, то все знали, откуда её принесла сорока на хвосте.

Так вот, в пятницу в ИЖ всё начиналось утром, как обычно. Но пятница, она на то и пятница, чтобы иметь исключения из правил.

– Ян, привет. Тебя и Толика вызывает Злоба, – корреспондентке по телефону позвонила личный секретарь гендиректора, Марина Франкенштейн. – Передай Толику, не забудь. Это срочно.

– Сколько у нас минут, Марин? – успела спросить Яна торопливый голос в трубке.

– Нисколько. Это же Злоба. Тут и секунды не будет, – трубку повесили на другом конце провода.

Яна была уже на рабочем месте в кабинете за компьютером, приступила к обработке текста, который должен был попасть в ноябрьский номер Изнанки Жизни, когда этот телефонный звонок оторвал её от монитора. Она не удивилась тому факту, что её срочно вызывали «на ковёр», такое происходило почти каждый день, ведь она и Анатолий были ведущими спецкорами ИЖ, а это требовало особой отдачи, внимания и нервов, и ещё временами выполнения «особых заданий» начальства. Об этих «особых» поручениях не

знал никто, кроме Лисы и Франки, но они были надёжными и проверенными людьми, в отличие от Сороки. Со стороны казалось, что спецкоры на особом счёту у начальства, этикие фавориты, что наполовину и соответствовало действительности, однако, если бы простодушные коллеги знали о второй половине подноготной этого особого статуса, они бы посочувствовали «звездам» ИЖ, а не завидовали бы у них за спинами.

И сегодня был именно такой день, когда на долю спецкоров выпадало то самое «особое» задание. Так подумала Яна, уныло глянув на недоработанный текст, и набрала по стационарному телефону номер Цапа, ожидая ответа.

– Привет, Януш. Что-то ты ранёхонько сегодня. Что-то случилось? – бодрый голос Анатолия звучал где-то на просторах улиц среди общего гула машин и людей. – Я тут заглянул в «ОранЖ», каву будешь?

«ОранЖ» было излюбленным кафе у сотрудников ИЖ. Светлое, украшенное апельсиновыми шторками на окнах и сочными жёлтыми скатертями на столиках, со стенами сочной зелени и бра по форме цитрусовых, это заведение открылось полгода назад и стало заветным островком, уютным оазисом покоя для ижцов. В этом месте и официанты носили оранжевые фартуки, а когда приходили посетители, то столики украшались миниатюрными свежими мандаринами. И кофе здесь подавали в изящных чашках молочно-жёлтого оттенка. А чего стоили таявшие во рту пончики, присыпан-

ные сахарной пудрой или политые шоколадной глазурью! А нежнейшие эклеры с кремом из взбитых сливок, а кексы с ягодами, а пирожки с капустой! В обед или после работы сотрудники ИЖ группками и компаниями собирались и дружно проходили под яркой апельсиновой вывеской в обитель покоя и оранжевого настроения.

Анатолий частенько заскакивал перед работой в «ОранЖ», благо кафе располагалось в паре улиц от работы, что было весьма удобно, а главное, быстро. Он брал кофе в офис, считая, что нигде более так отменно не варят «каву», кроме как у него дома. Анатолий Цап был кофе-поклонником с многолетним стажем и среди друзей слыл мастером в приготовлении крепкого эспрессо. Вот и сегодня он заглянул в любимый «ОранЖ» за утренней дозой бодрящего напитка.

– Боюсь, что на кофе нет времени, хотя я бы не отказалась от чашки американо. Так спать хочется! – с зевком ответила Яна.

– Что-то срочное? – в голосе Анатолия шутливые интонации сменили настороженные.

– Злоба вызывает срочно. Тебя и меня. Франки только что звонила.

– Ясно. Я уже иду. Пять минут, – ответил Цап.

– Ты же знаешь, что даже это слишком много для Нее, – устало выдохнула в трубку Яна.

– Я пока не научился летать и телепортироваться. Ничего страшного, не обломится. Может, я в туалете по срочному

заданию желудочно-кишечного тракта работаю. Пять минут, и я буду на месте. И, Ян, не нервничай ты так. Кстати, я прихватил тебе стаканчик американо. Как знал, что сегодня что-то будет, – в голосе Анатолия вновь зазвучали весёлые нотки.

– Ты мой бог, Толя, – девушка улыбнулась и положила трубку.

Анатолий оказался куда более расторопным и за обещанные пять минут не только добежал до здания ИЖ, но и успел заскочить в кабинет, который делил с Яной и ещё четырьмя коллегами.

– Идёте обмозговывать тёмные делишки? – шутливо заметил Евгений Кот, его рабочее место располагалось аккуратно напротив стола Яны.

– А хоть бы и так. Не твоё кошачье дело, – Яна состроила рожицу коллеге.

– Ну-ну, а потом всему отделу за вас расхлёбывать очередной провал замысла по завоеванию мира, – безмятежно отозвался Евгений.

– Женя, ну куда мы без тебя, – хихикнула Яна.

– Вот о том-то и речь, – согласился Кот и забавно протрубил. – Мя-а-у!

– Без наших делишек у тебя работы не будет. Некому будет расчищать дорогу от завалов провала, – вставился в разговор Анатолий успевая пожать руку коллеге и, ухватив под руку Яну, вести ту к двери. – Нам, кажется, некогда и времени ни секунды. Или я всё не так понял по телефону и зря

бежал, как чумной?

– Ты прав. Идём. А то Злоба сейчас перейдёт в разряд Гарпии, – согласилась девушка и, выйдя из кабинета, прикрыла за собой дверь.

– Доброе утро, Мариночка. Ты сегодня как всегда, сногшибательно выглядишь. Небось, зелье особое принимаешь по ночам? – Анатолий поздоровался с хорошенькой секретаршей гендиректора, когда они с Яной наконец-то добрались до приёмной.

– Привет-привет, Толик. А ты, как всегда чем-то смазываешь свой наточенный язычок. Рецептником не поделишься? – Марина Франкенштейн улыбнулась, ровные белые зубки-жемчужины заблестели на зависть любому голливудскому актеру.

– Этот рецепт передается по наследству в нашей семье от отца к сыну, от деда к внуку. Он очень старый и дорогой, – притворно заважничал корреспондент.

– Ничего, Толик. Если он не предполагает нализывание определённых участков тела, то в цене мы сойдёмся, – улыбка секретарши стала ещё шире.

– Кроме ложки мой язык ничего не лижет, к твоему сведению. А на счёт участков тела... ты свободна сегодняшним пятничным вечером?

Яна еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться во весь голос, так забавен был её коллега, когда наиграно, приподни-

мал правую бровь и делал томный взгляд, и при этом вообще не собирался никого соблазнять. Анатолий был, по сути, большим ребёнком, безобидным и шутливым, но кроме Яны да ещё парочки приближённых сотрудников, об этом никто не знал, и поэтому его считали помимо «звезды» ещё и таким Казановой.

– А может и свободна, – невозмутимо ответила Марина. – Вот только, боюсь, что из тебя кавалера этим вечером не получится.

– Это почему же? – Анатолий продолжал излучать роковой взгляд.

– Да на ваш с Яной счёт у Злобы какие-то грандиозные планы. Я краем уха слышала что-то вроде «придётся им пропустить эти выходные». Да, она так и сказала Лисе.

– Вот стерва! – вырвалось у Яны. – Я собиралась к маме съездить, месяц не виделись. Она обещала меня пирожками с капустой угостить.

– Пирожки купишь в кафе и с собой возьмёшь, Ян. Всё этим пахнет. Куда-то она вас послать хочет, – на этот раз в лице Марины читалось сочувствие.

– Её бы саму туда послать, а лучше куда подальше, – добавила раздосадованная корреспондентка.

– Ладно, Януш, может всё не так страшно. Глядишь, за сегодня успеем справиться, а там ты к мамке на пироги укаатишь, – подбодрил Анатолий коллегу.

– Хотелось бы верить.

Тут дверь в кабинет гендиректора открылась, оттуда выглянула Анжела Лис и, увидав двух сотрудников у стола секретаря, раздраженно выкрикнула:

– Вашу мать! Вас где черти носят? Мы тут целую вечность вас ждём, а вы лясы точите и секретаря отвлекаете от работы.

– Доброе утро, Анжела Викторовна. Мы только что подошли, – спокойно ответил Анатолий.

– Давайте живее в кабинет, времени нет совсем! – Лиса уже юркнула обратно в помещение, раскрыв шире дверь.

– Удачи вам, ребятки, – успела прошептать Марина. – Толик, а ты про рецептик то, не забудь.

«Особое совещание» закончилось через сорок минут. По задумчивым и хмурым лицам Яны и Анатолия, вышедшим из кабинета гендиректора, Марина Франкенштейн сделала определённые выводы.

– Совсем худо, ребятки?

– Накрылись выходные медным тазом и деревянным плитусом, – выдавила из себя Яна.

– Ничего, Януш, не в первый и не в последний раз, – проговорил её коллега, хотя у самого лицо было не менее хмурым. – Мариночка, отдохни за нас горемычных, как следует. С танцами, огнями и приключениями.

– М-да, накрылся мой пятничный разгул с Толиком, – слабо улыбнувшись, произнесла секретарь. – Ну да ничего, ребятки. Ни пуха вам, ни пера, куда бы вас не заслала злая кол-

дунья.

– Аминь. То есть тьфу-тьфу-тьфу, Мариночка, – Яна притворно сплюнула через левое плечо.

– Спасибо, Мариш, – Анатолий приободрился и подмигнул Франкенштейн. – Но в следующую пятницу мы оторвёмся. Не планируй на неё ничего важного.

– Ох, Толик, – сверкнули зубки-жемчужины, – обещать ты мастак, но так уж и быть, поставлю галочку на следующую пятницу.

– Чёртова ведьма! Чтоб ей пусто было! – выругалась в кафе «ОранЖ» Яна спустя двадцать минут после совещания. – Ты понимаешь, что она нас подставляет?!

– Ян, что ты как маленькая? – Анатолий невозмутимо пил кофе пытался насладиться толстым пончиком. – Будто впервые тебя посылают на подобное задание. Лучше расслабься и пей каву. Впереди длинная ночь.

– В том-то и дело, что на *такое* задание нас ещё не отправляли, – не унималась девушка. – Если мы попадёмся, то прощай репутация, работа, а возможно и свобода.

– Да ну, ты себя накручиваешь, милочка, – он откусил от пончика приличный кусок и с удовольствием почувствовал, как сахарная пудра с тонкой корочки растаяла на языке. – На счёт свободы ты перегибаешь, подобные дела обычно заканчиваются денежными штрафами. Да и не попадёмся мы. Злоба всё скрупулезно продумала до мельчайших мелочей.

Я бы даже сказал, что она гений. Комар носа не подточит.

– Мне бы твою уверенность. Я бы лучше к маме на пироги поехала.

– Дались тебе эти пироги! Я тебе сейчас килограмм куплю. Тебе с какой начинкой: с картошкой, капустой, яблоками, творогом или с мясом?

– Дело не в пирогах, Толь, – Яна уныло водила ложечкой в чашке, мешая давно растворившийся сахар. – Я маму не видела больше месяца, она одна живёт и болеет часто. Мне стыдно, что я не могу уделять ей больше времени, чем нужно. Тем более что живёт она за городом, туда час езды.

– Не кисни, мил друг, – Анатолий доел пончик и смачно отхлебнул кофе. – Я уломаю Злобу, чтобы за наши сверхурочные выходные она отпустила тебя на недельку к маме.

– Это как же тебе удастся её уговорить? Ну-ка поделись секретом, или у тебя есть план по оболыщению начальства?

– Что ты! Боже, упаси меня охмурять эту сушёную воблу! – Рассмеялся мужчина. – Флаг в руки смельчакам, а я пас! Она, конечно, ничего из себя щучка, но не для такого карася, как я.

– Тогда как же ты сможешь её убедить?

– Исключительно своим обаянием и шармом. И, конечно, у меня есть свой секрет. Куда ж без секрета?

У любого уважающего себя предприятия, и тем более издательства, обязательно есть злостный и ненавистный конку-

рент в бизнесе. Без этого конкурента и прогресса бы не было и гонки за вкуснейшие сливки. У ИЖ таким славным противником в издательской среде был «Чёрный Слон», напористый, жадный до мировых сенсаций на политических просторах и экономических ярмарках, бескомпромиссный. Одним словом, мастодонт.

Гендиректор Слона, хрупкая и миниатюрная женщина бальзаковского возраста, Татьяна Паук, в противоположность главе ИЖ, обладала сильным сексуальным магнетизмом, шикарными до пояса волосами мягкого каштанового отлива и сверхъестественным обожанием персонала. «Паучихой» звали за глаза Татьяну конкуренты и недоброжелатели, но в родном издательстве эту женщину даже за спиной уважительно называли по имени-отчеству, о чём она, однако, всё рано не знала.

В заместителях у гендиректора ходил импозантный и весьма харизматичный Владимир Граф, мужчина внешне похожий на Дон Кихота с шикарным набором усов и приличным багажом возраста.

Только эти оба обладали необычными фамилиями в Чёрном Слоне, остальной же персонал носил куда более простые и незатейливые имена и фамилии.

Именно в Слон были направлены Яна и Анатолий пятничным вечером с явным расчётом, что тамошнее начальство уже покинет рабочие стены и не станет препятствием для «особого» задания, которое поручил своим спецкорам ген-

директор ИЖ.

До времени «Х» Яна и её напарник пробыли в квартире Анатолия, обсуждая все детали пикантного задания, вычисляя пробелы и подводные камни, об которые могла споткнуться их карьера. Им предстояло по поддельным удостоверениям попасть внутрь «Чёрного Слона», добраться до кабинета зама Паучихи и с его компьютера перекинуть на электронную почту Злобиной определённую информацию. Но сделать это нужно было скрытно и неприметно, потому как в Слоне, как и в другом порядочном издательстве обязательно имеются сотрудники, работающие в ночную смену, не говоря уже об охране. Ну а для официального действия спецкоры должны были прикинуться новыми сотрудниками, отправленными начальством для вечерней работы с документацией. Было даже предвидено, что охрана Слона скорее всего не поверит в эту легенду. Естественно, подозрительно, когда незнакомые люди, пусть даже и с пропусками, в позднее время «без объявления войны» нагрянут в одно из самых ответственных и важных точек издательства. Злобина обещала своим подчиненным, что на этот случай у неё есть важный звонок в рукаве. Но кому и куда не уточнила.

В результате выходило, что корреспонденты направлялись в логово конкурентов на свой страх и риск быть пойманными и арестованными в самый зыбкий момент. К тому же начальство предупредило сотрудников – в случае провала на их звонки отвечать не будет и прикрывать также не намере-

но. На кону таки репутация ИЖ, а издательский дом не может допустить того, чтобы его имя полоскала жёлтая пресса, и смаковали дешёвые бульварные издания. Подобными «делишками» промышляют абсолютно все, только кто-то попадает, а кому-то удаётся выйти сухим из воды. Конечно, у спецкоров есть выбор уйти из ИЖ, но куда они пойдут, когда в каждом издательстве уже все рабочие сетки забиты и распределены на годы вперед? А в случае успеха кроме внушительных премиальных, была посулена приличная надбавка к зарплате, плюс дополнительная неделя к отпуску.

Вся работа должна была занять около часа, но после её завершения спецкортам нужно было затаиться у себя дома и до понедельника нигде не казать носа.

– Ни мам, ни пап, ни бабушек с дедушками, ни подруг с друзьями. Никого не должно быть около вас в выходные! Это приказ и дополнительная мера безопасности. Вы и без меня прекрасно знаете, как ситуация может пойти иначе, а планы рухнуть из-за малейшего пустяка, – высказалась напоследок Елена Злобина. – Дома делайте, что хотите, но одни. Я советую отоспаться, потому что потом вас ждут прямо-таки убойные дни. Кстати, Яна, ты ещё не подготовила материал для ноября. И ещё, замаскируйтесь. Приоденьтесь как-нибудь не броско, чтобы вас по возможности не узнали. Ни в коем случае не упоминайте ИЖ в разговорах, сразу спалитесь. И запомните, мы не ворует информацию. Её в принципе нельзя выкрасть. Просто кто первый, тот и победил. Здесь

время определяющий фактор.

Ну, не стерва ли?

– Что-то я вас, ребятки, не припомню. – Охранник лет шестидесяти с интересом рассматривал Яну и Анатолия, изучая их с ног до головы. – Это когда ж вы успели сюда затесаться?

– Да нас на днях зачислили в штат, – ответил за двоих Анатолий. – До этого мы были неофициальными агентами Слона. А разве с пропусками что-то не так?

– Да нет, с документами у вас всё в порядке, молодежь. – Мужчина ещё раз просмотрел начинку новёхоньких корочек, пахнувших клеем. – Печати в норме. Только не понимаю, почему вам не выдали вдобавок и электронные пропуска? Вроде не дефицит на дворе, да и вам удобнее было бы.

– Я прозвоню по ним. – Второй охранник, сверстник Анатолия, оказался куда более подозрительным. – Порядок придуман для всех.

– Ну, вы же знаете, как у нас всё делается. На всё нужно время. Проще выписать обычный пропуск, а через недельку соорудить и электронную копию, – доверительно сказала Яна. – Но, по-моему, бумажный пропуск куда надёжнее и удобнее. Тут и с людьми на вертушке поздороваешься, а иной раз и десятком слов перекинешься. Охрана всегда знает и видит больше остальных.

– Это уж точно, красавица. – Слова девушки расположили к ней пожилого мужчину. – Чего только за сутки не услы-

пишешь, а порой и такое видишь, что не во всякой газете напишут.

У Яны внутри всё сжалось, пока она наблюдала, как за стеклом контрольно-пропускной кабины по стационарному телефону говорит второй охранник. Она уже приготовилась к тому, что сюда подъедет наряд полиции, вызванной охранной, и их с Анатолием с позором арестуют.

– Ладно, ребятки, проходите, не буду вас задерживать. – Старший охранник, получив одобрение напарника в виде кивка головы, переключил вертушку с красного огонька на зелёный. – У каждого из нас своя работа.

– Спасибо. Доброй вам ночи, – вырвалось с облегчением у девушки.

– Уф! Думаешь, прокатило? Они поверили? – Яна ещё сомневалась.

– Если бы было иначе, нас бы не пропустили, сама подумай, – ответил ей Анатолий.

– И нас не узнали? – Она ещё раз поправила шёлковый синий платок, которым повязала голову.

– Не волнуйся ты так. И не делай резких движений. Здесь повсюду камеры. – Коллега в отличие от неё вел себя раскованно и даже вальяжно. – Никому нет дела до нас. Сейчас пятница, вечер. Ты не понимаешь, что это значит? У всех на уме доделать начатое и свалить на выходные как можно быстрее. Никому не интересны двое неудачников вроде нас,

которых прислали пахать вечером.

– Но вдруг это был такой ход: запустить нас внутрь, а потом поймать с поличным?

– Януш, всё будет хорошо. Говори себе это чаще. Мантра проверенная.

– Толь, у меня одна маленькая просьба перед тем, как мы отправимся в кабинет Графа. Найдём туалет. У меня от волнения мочевой пузырь переполнился. А может и от твоего кофе.

– Желание дамы для меня закон! – Улыбнулся Анатолий. – Признаюсь, я и сам не прочь посетить столь славное место. Надо как следует пометить территорию, раз я нахожусь здесь.

Чёрный Слон занимал аккуратное пятиэтажное здание, выкрашенное в сине-чёрный цвет, с белыми окнами и плоской оранжевой крышей. Над парадным входом красовалась большая винтажная табличка, на которой изящно было выведено название издательства. Кабинет гендиректора располагался на четвёртом этаже, так же, как и кабинет его заместителя, деля этаж пополам не только метрами, но и стеклянной дверью.

Как и говорил Анатолий, на этажах и лестничных проёмах были установлены камеры слежения, а на четвёртом этаже их было сразу несколько. Дополнительная мера безопасности для особо важного места.

Спецкоры ИЖ поднялись на нужный этаж, прошли через стеклянную дверцу и проникли во владения Владимира Графа, остановившись перед его личным кабинетом. Анатолий достал электронный ключ и приложил к замку двери, раздался слабый щелчок и, провернув дверную ручку, мужчина вошёл в тёмное помещение, а за ним следом и Яна.

Пошарив справа на стене, мужчина нащупал выключатель и нажал на него. Свет залил прямоугольное помещение с длинным столом в обрамлении десятка стульев. Образуя букву «Г», к длиннющей столешнице в противоположном направлении от двери примыкал скромных размеров стол, на котором высился монитор с примыкавшими по бокам подставками бумаги, канцтоваров, и стационарным телефоном.

– А у него кабинет скромный в сравнении с нашей Лисой, – заметила Яна. – Похоже, здесь часто проходят совещания, вон какой длиннющий стол. А у него самого клочка свободного нет на его рабочем месте.

– Не все замы с замашками, как у нашей Лисы, – ехидно произнёс Анатолий, подойдя к рабочему столу Графа и запуская системный блок, что прятался там, где должны были находиться ноги, сидящего за этим столом человека.

– Толь, если здесь везде камеры натыканы, то охрана нас моментально вычислит, – снова забеспокоилась Яна. – Они и так нас взяли на заметку, особенно тот, что моложе. К тому же, если они нас застукают за столом зама генерального, то выкрутиться будет непросто. У тебя в квартире было как-

то проще всё это вообразить. И мне реально страшно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.